

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Побег

«ЭКСМО»

1998

Сухов Е. Е.

Побег / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 1998 — (Варяг)

По сфабрикованному приговору смотрящий России, вор в законе Варяг отбывает срок на зоне в глухих северных краях. Начавшийся на воле беспредел и жажда мести заставляют его решиться на отчаянный шаг и, преодолевая суровые испытания, совершить побег. Добрые люди помогают Варягу выжить в критической ситуации, спасая ему жизнь после тяжелых ранений. Поправившись, Варяг возвращается в Санкт-Петербург, где освобождает свою жену и сына, наказывает предателей и начинает устанавливать жесткий, но справедливый порядок в России.

© Сухов Е. Е., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА I	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7	40
ГЛАВА 8	46
ГЛАВА 9	51
ЧАСТЬ II	57
ГЛАВА 10	57
ГЛАВА 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгений СУХОВ

ПОБЕГ

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА I

Черный «джип-чероки» с тонированными стеклами мчался от Финского залива к Васильевскому острову. Сегодня Шрам вел «джип» сам. Левая рука небрежно лежала на руле, а стрелка спидометра моталась у отметки 160. Вообще-то Шрам не любил глупого лихачества и, когда изредка садился за руль, отпуская личного шофера, предпочитал езду спокойную и уверенную. Но сейчас он устроил эту лихую гонку, потому что очень спешил.

Его правая рука была занята – в ней он сжимал трубку мобильного телефона «Эрикссон», по которому минуту назад ему позвонил Мони и сообщил, что все готово для штурма. Бригада Мони в эту самую секунду готовилась ломануть обменный пункт на проспекте Металлистов.

Этот обменный пункт давно уже приглянулся Шраму. Пункт располагался в полуподвале жилой девятиэтажки и формально был Петербургским филиалом Нижневартковского коммерческого банка «Беркут». Заправляли делами там почему-то афганцы. Не российские ветераны войны в Афганистане, а самые что ни на есть черноглазые и смуглые усачи-афганцы, которые неведомо как встряли в нижневартковский бизнес и крутили в Питере поступавшие оттуда бабки. Филиал на Металлистов появился с полгода назад, и Шрам, ясное дело, тут же послал к афганцам своих гонцов со стандартным деловым предложением. Афганцы повели себя нагло – от «крыши» отказались, сославшись на уже имеющуюся защиту. Шрам удивился. Он приказал последить за строптивыми «духами». Через неделю разведка донесла, что к афганцам каждый вечер приезжает инкассаторский броневичок банка «Сокол», принадлежащего питерскому УВД. Тут Шрам смекнул, что означает вся эта «птичья» терминология. Он послал запрос в Москву нужному человеку, и тот быстро отсигналил ему, что в «Беркут» лучше не соваться, потому что там идут сложные многоходовые аферы с нефтяными деньгами и деньгами от афганской наркоты, и что курируют эту шайку-лейку «многозвездные погоны» из Москвы. Теперь стало понятно, отчего это афганцы не только не наложили в штаны, но даже и внаглую отказались от его, Шрама, «охранных услуг». Но Шрам не внял совету: Москва Москвой, погоны погонами, но кто в Питере хозяин? Черномазые банкиры ударили по его, Шрама, самолюбию. И он решил действовать напролом. Вот тогда-то и родилась идея грабануть этот обменный пункт.

Шрам дал отмашку, и бригада Мони обычным порядком начала готовить операцию по «выемке денег». Для начала у пункта выставили наружное наблюдение. В соседнем подъезде сняли однокомнатную квартиру, поселили туда Чушпана, поручив ему заняться во дворе починкой своего «Жигуля». И вот каждый день, часиков с семи утра, Чушпан с Моней в замасленной одежонке лениво выходили во двор и неспешно ковырялись в прогнившем движке, изображая капитальный ремонт.

Через три дня ребята представили Шраму полный график движения людей и техсредств вокруг бронированной двери филиала банка «Беркут». Обменный пункт посещали в среднем человек сто в день – по местным меркам немного, но и немало. Значит, средний дневной оборот в «обменке» был порядка пятидесяти – ста тысяч баксов. Но не случайные прохожие делали в «обменке» погоду. Ближе к концу дня, часов в пять, банк закрывался на «технический перерыв», и вот тут-то начиналось самое любопытное. С пяти до восьми к запертой двери подкаты-

вали иномарки, из которых выходили плотные ребята с кейсами, и после недолгих переговоров через домофон их выпускали внутрь. Из «Беркута» ребята выходили уже без кейсов. Ясно, что никакого обмена они не производили, а, скорее всего, свозили сюда наличность. Ровно в восемь к банку подваливал инкассаторский «фордик» с опознавательными знаками банка «Сокол», загружался мешками и уезжал.

Моня и Чушпан получили команду, сменив дислокацию, понаблюдать еще недельку, контролировать график приезда ребят с кейсами и броневичка, а потом готовить операцию.

...Но сейчас, когда все было готово к началу выемки денег, Шрам рвал на Васильевский, потому что у него была намечена там важная встреча. Очень важная. И хотя он сторал от желания держать на контроле события в обменном пункте на Металлистов, ему пришлось воспользоваться преимуществом сотового телефона и соврать Моне, притаившемуся на пятом этаже дома по проспекту Металлистов, что он находится в районе Летнего сада и, если надо, прибудет на место вмиг. И пусть Моня не ссыт, а начинает действовать, как задумывалось, без него.

Моня отключил свою «Нокию» и сунул черный прямоугольничек телефона в нагрудный карман. Он стоял в подъезде у окна пятого этажа и наблюдал за двором. Двор был проездным и соединял два переуллка, выходявших на проспект. Перед подъездом стоял синий «джип-тойота» с водителем. Пассажир «джипа» – здоровенный амбал в сером костюме – минут десять назад вошел в дверь и пока что-то не торопился оттуда выходить.

Вдруг Моня заметил, как со стороны футбольной площадки во двор въехал белый «Москвич». За неделю он успел приметить всех автовладельцев этого дома. Такого «Москвича» ни у кого из местных не было. Значит, машина приехала в гости. Или случайно забрела. Моня глянул на часы. Семь сорок. В их распоряжении двадцать минут. Не спуская глаз с белого «Москвича», Моня вытащил из заднего кармана миниатюрный радиопереговорник и вызвал сидящего во дворе у «Жигуля» Чушпана.

– Чушка, что за гости? – коротко поинтересовался Моня.

– Не знаю.

– Сколько там?

– Четверо. Отсюда не вижу, но вроде как черные.

– Негры? – усмехнулся Моня.

– Кавказцы.

– Где наши ребята?

– Кузя и Филин в подъезде под лестницей. Ром и Петря кучкуются у подъезда под козырьком – тебе оттуда не видать.

– Гонца с кейсом не видно?

– Там сидит, в обменке.

– Ну что, будем ждать?

– Да как бы не опоздать – до восьми пятнадцать минут осталось, скоро инкассаторы придут!

– Ну тогда через две минуты двинулись?

– Поехали!

Моня убрал переговорник в карман и, выудив из-за пазухи «беретту», стал сбегать по лестнице вниз. Кузя и Филин уже стояли перед запертой металлической дверью обменного пункта. Моня кивнул, и Кузя позвонил.

Домофон зашипел, и голос с сильным азиатским акцентом произнес:

– Я вас слушаю?

– Пятдесят одын! – бодро отозвался Кузя тоже с акцентом. Как они давно уже выяснили, отзывы «своих» посетителей – от пятидесяти одного до пятидесяти пяти – служили паролем для охраны пункта. Лязгнул замок – и Кузя нетерпеливо толкнул тяжелую дверь. Все трое ввалились в тесный предбанник. За крохотным столиком с телефоном сидел охранник – щуп-

лый афганец. Увидев грозного вида посетителей, он вскочил, но тут же повалился под столик, оглушенный ударом «беретты». Моня поднял телефонный аппарат и грохнул его о цементный пол, потом молча кивнул на занавешенное окошко кассы. Кузя тут же накинул на окошко заготовленный черный плащ. Филин ткнул кулаком в дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен». Дверь распахнулась, налетчики ворвались в помещение банка и с ходу выбили дверь, ведущую в кабинет управляющего.

Их взору предстала заманчивая картина. На столе для переговоров лежали аккуратные пачки долларов, видно только что вынутые из черного «дипломата». Хозяин «дипломата» – бугай в сером костюме – с недоумением смотрел на ворвавшихся налетчиков. Все трое были в черных горнолыжных масках и держали наготове три ствола: Моня – свою «беретту», Чушпан – автомат «узи», а Филин – китайский ПМ. Два низких черноволосых мужика – по виду афганцы – как сидели за столом, так и замерли с перепуганными рожами.

– Одно движение – и всех к е...ной матери перестреляю! – гаркнул Моня. – Первый – проверь остальные комнаты, я держу их на мушке, второй – собирай «зелень»!

Моня грозно повел стволом «узи», Чушпан рванул в коридор, а Филин бросился сгребать «зелень» в раскрытый рюкзак.

– Сейф! Где ключи от сейфа? – Моня резко развернулся в сторону смуглолицего управляющего. Тот, не раздумывая, вынул из стола небольшую связку ключей и нервно стал открывать стоящий за его столом сейф. В сейфе оказалась внушительная стопка рублей и долларов.

Филин быстро перегрузил содержимое сейфа в уже наполовину заполненный рюкзак и восторженно поднял вверх большой палец.

Моня достал переговорник и вызвал оставшегося на улице Петрю.

– Третий, что там гости? Стоят?

– Стоят.

– Все на месте?

– Все.

– Что происходит?

– Ничего. Пусто. Дети в футбол гоняют.

Моня отключил переговорник.

Чушпан, запыхавшись, вернулся в комнату:

– Все в порядке. Девицу в расчетном я закрыл на ключ, а мужика в соседней оглушил, до ночи не очухается.

Филин уже собрал оставшиеся пачки долларов со стола и завязывал рюкзак. Все это заняло минуты три-четыре.

Держа на прицеле перепуганных насмерть афганцев, Моня, не повышая голоса, сурово выдохнул:

– Так, черномазые, всем замереть! На улице мои бойцы стоят, прикрывают дверь в сраный банк. Телефоны я все вырубил. Так что если жить хотите – без глупостей.

В эту секунду с улицы раздались одиночные пистолетные выстрелы. Моня выматерился и машинально взглянул на часы – без пяти восемь. Для инкассаторов еще рановато. Что там, блин, происходит?

– Первый – если что, мочи их на хер, этих усачей! – приказал Моня Чушпану и бросил Филину: – Второй, иди за мной. Рюкзак береги.

Моня раскрыл бронированную дверь в «обменку» и столкнулся нос к носу со здоровенным черноглазым парнем в тренировочном костюме. В руке у парня был ствол – но Моня его опередил: приставил «беретту» почти вплотную ко лбу и всадил три пули. На лицо Моне брызнула кровь и какие-то слизистые плюхи – наверное, мозги, успел подумать налетчик и, поднявшись по лестнице, выскочил на улицу.

Его встретил шквал огня. Стреляли с двух сторон – справа и слева. Краем глаза он заметил белый «Москвич» – все двери у него были распахнуты. Значит, пальбу вели пассажиры «Москвича». Мимо совсем рядом просвистели пули. Они впились в кирпичную стену, металлическую дверь, входили в дверной косяк подъезда, откалывая от стены планок веер осколков и щепок. Моня успел только скользнуть взглядом по асфальту и увидел лежащих без признаков жизни Петрю и Рома. Под Ромом разлилась громадная лужа крови.

Моня вбежал в подъезд и бросился по лестнице вниз к двери обменного пункта. Впереди с рюкзаком бежал Филин. За спиной уже гулко топали бегущие ноги. Моня вслед за Филином юркнул в «обменку» и закрыл дверь. Выпущенные ему вслед пули звонко зацокали по стальной обшивке. Он лягнул задвижкой.

– Что там? – услышал Моня тревожный крик Чушпана.

– Хер его знает. Какие-то орлы налетели. Наших замочили.

Моня вбежал в помещение, где Чушка держал под прицелом афганцев и гонца, находившихся все в тех же позах. Моня оглядел помещение. В дальнем углу под самым потолком виднелось занавешенное окно.

– Вон то окно куда выходит? – спросил он у пожилого афганца.

– Тот окно на проспект выходит! – с готовностью ответил азиат.

– Первый, второй – уходим через окно! – И с этими словами Моня побежал было вперед, но вдруг, снова вспомнив про афганцев, обернулся и свирепо гаркнул: – Всем на пол! И руки за голову! Кто поднимется – будет покойником.

На улице у входа затарахтел автомат. Там уже шел настоящий бой. Моня посмотрел на часы: ровно восемь. Это, должно быть, подъехал инкассаторский броневик. Значит, кавказцы на белом «Москвиче» не охрана, а наезд на банковских – кто же они? Неужели тоже налетчики? Ну, блин, вы даете! Моня ударил рукояткой «беретты» по стеклу, порезался о разбитый край, но, не обращая внимания на порезы и кровь, остервенело стал выламывать осколки из рамы. Окно было вполовину обычного, но пролезть в него можно было даже здоровяку Филину.

И вдруг лежащий банковский гонец в сером костюме резко развернулся и, лежа, выхватил из-под мышки пистолет. Раздался выстрел, потом еще и еще. Филин покачнулся, схватился за грудь и стал медленно оседать вниз. Моня, почти не целясь, трижды выстрелил в гонца. Тот вскрикнул, дернулся и затих, неловко ткнувшись лицом в кафельный пол. Филин лежал на полу, все еще сжимая в руках рюкзак с «зеленью» и рублями.

– Чушка! – забыв о конспирации рявкнул Моня. – Бери рюкзак и дуй сюда! Этих мудаков положи – всех!

Чушпан, бледный как полотно, передернул затвор «узи» и открыл огонь. Низкое помещение наполнилось оглушительным грохотом и пороховой гарью. Оба оставшихся в живых афганца, как ошалелые марионетки, задергались, прошитые горячими стальными нитками. Чушпан подхватил туго набитый рюкзак и ринулся к выбитому окну. Но в этот момент со стороны бронированной двери, ведущей в «обменку», раздался чудовищный взрыв, так что, похоже, стены и потолок подвального помещения зашатались.

– Дверь взорвали! – крикнул Моня, уже успевший вылезти на улицу. – Давай, Чушка, бросай мне рюкзак и лезь быстрее!

Но его последние слова потонули в автоматных очередях. Он видел, как Чушпан уже схватился за оконную раму, подтянулся – и тут его настигли огненные плевки. Чушпан поморщился, пальцы его разжались. Рюкзак с «зеленью» покатился на пол.

Моня огляделся по сторонам и сразу поймал взглядом предусмотрительно оставленный ими на проспекте заляпанный грязью «форд-сиерра». Он бросился к машине, рванул дверцу водителя и, сев за руль, включил зажигание. Слава Богу, Петря оставил ключ в замке. «Форд», взвизгнув шинами, рванул с места. Моня тяжело дышал. Машину он вел точно на автопилоте.

Руки дрожали. Он так и не понял, кто это испортил им «песню», кто сорвал тщательно и, можно сказать, идеально подготовленную «выемку денег».

Но одно он знал наверняка: Шрам обязательно выяснит – кто. И объявит сукам войну. Он вытащил из кармана телефон и, не попадая пальцами по кнопкам, стал было набирать мобильный номер Шрама. И только спустя минуту заметил, что его «Нокия» приказала долго жить – в суматохе бегства под шквальным огнем он раздавил хрупкую игрушку...

ГЛАВА 2

Снайпер с силой втянул в себя зябкий ночной воздух и задержал дыхание. Он припал правым тазом к прицелу ночного видения. Редкие огни сторожевых вышек вдаль рассекали черноту нависшей над колонией ночи. Но там, куда он направил лазерное око своей винтовки, вдруг но прихоти чудной военной оптики образовалась розовая лужайка, на которой мельтешили темные силуэты взбунтовавшихся заключенных. А среди них снайпер угадал того, которому предназначалась его пуля. Только одна. Пятнышко лазерного луча заплесало на бритом затылке зека. Снайпер не нервничал. Теперь, когда до выстрела остался миг, он точно окаменел. Казалось, даже сердце перестало биться.

Парень в прицеле повернулся в профиль. Отлично! Хотя жаль, что зек не развернулся к нему лицом, он бы смог разглядеть его получше. Пятнышко лазерного луча нашло бледный висок. Живая мишень замерла – как будто нарочно подставившись под снайперский выстрел. Пора! Указательный палец привычно нажал на серповидный спусковой крючок. И в ту же секунду, не обращая внимания на сильный толчок в плечо, снайпер через оптический прицел увидел, как голова зека лопнула и взорвалась, точно разбитая булыжником пивная бутылка, и лишь его руки судорожно подбросило к тому месту, где мгновение назад было лицо. Покачивнувшись, зек рухнул на груды ржавых труб и искромсанной арматуры.

Старший лейтенант Голубок только теперь позволил себе выдохнуть. И снова глубоко вздохнул. Он прицелился еще раз, решив, как обычно, сделать контрольный выстрел, чтобы с «чистой совестью» доложить начальнику колонии подполковнику Беспалому, к которому лейтенант был экстренно прикомандирован и доставлен вертолетом сегодня ночью, о выполнении задания. Но то, что он рассмотрел в окуляр, едва не заставило его сблевать. Нелепо скрючившись, раскинув по сторонам руки, на груде строительного мусора, как манекен, лежало неподвижное тело «бритоголового». Крупнокалиберная пуля снесла верхнюю часть черепа вместе с мозгами, и теперь у «бритоголового» вместо головы страшно чернело кровавое месиво с торчащими осколками черепных костей.

Снайпер оторвал глаз от окуляра и закашлялся. Он присел и стал быстро отвинчивать лазерный осветитель. Потом убрал прицел в специальный чехол на ремне. Теперь его винтовка выглядела вполне невинно, как невеста перед дверями загса. Самое главное, чтобы солдаты не заметили его выстрела. Беспалый ничего ему не объяснил, даже не сказал, кто является жертвой, лишь показал фотографию обреченного.

Но Голубок и сам был не лыком шит – понимал, что начальнику дело потом все равно надо будет представить так, будто заключенный, кто бы он ни был, погиб от шальной пули, а вовсе не от выстрела профессионального снайпера.

Упаковав прицел, Голубок высунулся из своего укрытия и осмотрелся. Над лагерем висела тяжелая ночная мгла. Лучи прожекторов на сторожевых вышках вспарывали плотную тьму, рыская по зоне. Выхваченные из темноты слепящими лезвиями люди в робах, боясь, что солдаты откроют по ним огонь, бросались врассыпную, прятались в баррикадах за грудями строительного мусора. Но там, где несколько мгновений назад маячила фигура застреленного, было подозрительно тихо. Точно никто и не услышал одиночного выстрела, не заметил потери своего предводителя. Голубок внимательно всматривался в темноту. Только через минуту он увидел, что первая цепь вызванных из райцентра омовцев сумела подобраться почти к самой баррикаде и уже собралась с духом, чтобы в следующую секунду перемахнуть через нее, рассекая взбунтовавшуюся колонию протяжным победным криком. Но неожиданно со всех сторон в солдат полетели камни, обломки железа, прутья. И несколько десятков «быков» с устрашающим криками, как это делают камикадзе в последние мгновения жизни, бросились на сол-

дат и потеснили их назад, за территорию зоны. Те, не выдержав такого яростного, отчаянного напора, отступали, прикрываясь щитами, защищаясь изо всех сил.

А сил было явно недостаточно, чтобы усмирить мятежников. Тем более что в руках зеков находилось с десятков единиц огнестрельного оружия. Баталия грозила затянуться надолго. Голубок вспомнил известный случай, когда заключенные держали в своей власти сибирскую колонию почти два месяца. В духе воровских традиций обитатели той колонии в течение считанных дней расправились со всеми ссученными и установили суровую диктатуру блатных. С заключенными удалось справиться, только когда снайперы одного за другим убрали четверых основных зачинщиков бунта и когда к лагерю военные подвезли несколько минометов и открыли по зекам предупредительный огонь.

Так и сейчас, видимо, придется начальнику вызывать подкрепление внутренних войск из краевого центра – бунт заключенных перешел в ту кульминационную неуправляемую стадию, когда ярость, животный азарт и жажда крови полностью завладели ожесточившимися душами замордованных, готовых на все людей и когда остановить их сможет только слепая, неумолимая сила железа и огня. Да, без смертоносной техники Беспалому теперь ни за что не обойтись. Ничего другого, кроме как вызвать БТРы, подполковнику теперь не остается – это точно. Теперь ему обратной дороги нет. Бунт он должен подавить любой ценой.

* * *

Начальник колонии подполковник Беспалый бросил взгляд на часы. Скоро полночь. Его приказ о ликвидации Варяга Голубок выполнил. Пора связаться и сообщить об этом в Москву... Едва он дотронулся до прохладной трубки, как телефон сам неожиданно зазвонил. Александр Тимофеевич нахмурился и сорвал трубку с рычага.

– Подполковник Беспалый у аппарата!

– Слушай, Беспалый, чем ты, мать твою, там занимаешься?!

Голос генерала Калистратова зычно бил в мембрану, отчего она вибрировала на высокой ноте. В такие минуты служивому полагалось вытянуться в струнку и преданно, по-собачьи во всем поддакивать начальству. Однако Александр Тимофеевич Беспалый никогда не относился к слепым исполнителям чужой воли. «Да пошел ты на х..., пень старый! – подумал он про себя. – Да пошли они все, эти московские чинуши... генералы долбанные!...» Беспалый откинулся на спинку кресла, резко выдохнул воздух и положил ногу на ногу. Стараясь говорить как можно спокойнее, он тихо, с расстановкой ответил раздраженному генералу:

– Я занимаюсь тем, чем и положено, товарищ генерал. Бунтовщики взяты в кольцо. Завтра ко мне прибывает еще одна рота ОМОНа. С их помощью я наведу порядок.

Сейчас Александр Беспалый напоминал дремлющий вулкан. Внутри у него все клокотало, и достаточно было всего лишь одного небольшого толчка, чтобы огнедышащая лава возмущения и раздражения прорвалась наружу. Беспалый опасался этого своего состояния. В такие минуты он мог наделать глупостей. Оставалось единственное – невероятным усилием воли подавлять в себе закипающую ярость.

– Что у тебя там с Варягом?

– А что должно с ним быть?

– Ты не дури, Беспалый. Я тебе уже говорил, отвечаешь за него лично! Чтобы волос с его головы не упал. Понял? Смотри мне. Если выйдет что не так, будешь долгие годы любоваться своей собственной зоной из окна тюремной камеры!

Слушал Калистратова Беспалый сцепив зубы. У него вертелась на языке острая фраза по поводу того, что компромата вполне достаточно, чтобы им вместе полюбоваться свободой через решетку, и что лучше побереечь голосовые связки для разбирательства с вышестоящим

начальством. Но понимая, что с Варягом уже все кончено, он переборол в себе дерзость и отозвался вполне примирительно:

– Я все понял, товарищ генерал.

– Вот и отлично! Что бы у тебя там ни происходило, Варяг должен оставаться в безопасности. Иначе нас там, «наверху», не поймут.

«Как же, как же, не поймут. Там-то „наверху“ все и заварили по-новому», – подумал Беспалый и подался вперед, крепко прижимая трубку к уху. Ситуация была не из простых. Калистратов, видимо, совершенно не был в курсе новых веяний. А что, если он вообще играет за другую команду?

Александр Тимофеевич лихорадочно обдумывал ответ. Пауза затягивалась. И он решил идти ва-банк, будь что будет.

– Товарищ генерал, я, конечно, все понял, кроме одного: именно вы прошлый раз в разговоре давали мне прямо противоположные инструкции. Разве не так?... И я очень опасаясь, что с Варягом уже может быть поздно. Приказ отдан два часа назад.

На другом конце провода раздался страшный мат и проклятия:

– Придурок лагерный! Сволочь! Пойдешь под трибунал!... Сгною по тюрьмам!...

Возмущению генерала не было предела. Подполковнику Беспалому в конце концов надоело слушать истерические вопли генерала, и он молча положил трубку на рычаг, мрачно задумавшись над сложившимися обстоятельствами.

Подполковник Беспалый слукавил – по поводу Варяга у него не могло быть никаких сомнений или опасений: он совершенно точно знал, что единственный выстрел снайпера бесповоротно определил законного вора в покойники. Варяг для российских зеков был символом воровской идеи, а в данной ситуации на зоне – своего рода боевым знаменем бунта. А когда знамя исчезает, то воинскую часть расформируют. Так будет и тут – это подполковник отлично понимал. Пройдет три, максимум шесть часов, и вместе с вновь прибывшими омовцами и БТРаи он вобьет смутьянов в тюремную грязь, подобно тому как поступали рекруты Александра Суворова с мятежными казачками Емельки Пугачева.

Снова раздался телефонный звонок. Это опять звонил Калистратов.

– Слушаю вас, товарищ генерал. Что-то связь прервалась, – солгал Александр Тимофеевич, сняв трубку.

– Повтори, Беспалый, что ты сказал насчет моего приказа об уничтожении Варяга! – В голосе московского генерала слышался не просто ужас. Такое придыхание могло вырываться разве что у пассажиров крохотной лодчонки, неумолимо несущейся к обрыву Ниагарского водопада. – О чем ты говорил? Какой приказ? Ты что, спятил?

– Вы мне сами намекнули, товарищ генерал, чтобы я «все уладил» с Варягом – вот я и отдал приказ снайперу... Боюсь, приказ уже приведен в исполнение и «все улажено», как вы и приказали.

– Идиот!... И-ди-от!...

В трубке замолчали. Повисла гнетущая тишина. Пауза была долгой. Потом, видимо собравшись с мыслями, Калистратов сказал:

– Вот что, подполковник, срочно давай ищи своего снайпера, если он еще не выстрелил, останови его во что бы то ни стало. Варяг не должен погибнуть. Что хочешь делай. Но даже если снайпер его застрелил, найди тело. Вдруг он живой? Не такой Варяг человек, чтобы загнуться от одной паршивой пули. Я не верю, что он погиб. К тому же твой снайпер сраный мог и промахнуться.

Беспалый хотел было возразить, что его снайпер не мог промахнуться, но неожиданно промелькнувшее сомнение, смутная догадка, за которой стояли огромный опыт и знание воровских и генеральских повадок, вдруг подсказали ему не делать поспешных выводов. В его

практике случалось и не такое – в холщовых мешках хоронили померших зеков, а потом эти «жмурики» каким-то чудом оказывались на свободе.

– Завтра же утром мы все проверим, товарищ генерал.

– Какое утро? До утра нельзя ждать. Немедленно отправь кого-нибудь на территорию и все выясни! – раздраженно прокричал в трубку Калистратов.

– Это невозможно. Зеки контролируют всю зону. Пока не подтянутся омовцы, я ничего не смогу сделать, – твердо сказал Беспалый.

На другом конце провода вновь повисла тяжелая тишина. Беспалый напряженно вслушивался в тишину, понимая, что сейчас, в эти секунды, решается и его дальнейшая судьба. Ему показалось, что там, за тысячи километров отсюда, в Москве, генерал Калистратов с кем-то тихо переговаривается. Голоса звучали глухо, как сквозь вату, но он различал отдельные звуки. Похоже, Калистратов зажал микрофон ладонью и передавал невидимому собеседнику свой разговор с Беспалым.

– Слушай меня, Александр Тимофеич, – раздался через две минуты в трубке голос генерала. – Слушай внимательно! У меня есть большие возможности, чтобы кардинально изменить твою судьбу. Хочешь, обеспечу тебе резкий рост по службе: завтра же присвоим тебе очередное звание, а потом возьмем тебя на повышение в Москву. Но сейчас, Александр Тимофеич, ты должен немедленно выяснить, что с Варягом: жив он или нет... Сделай вот что... – Генерал, глубоко вздохнув, снова надолго замолчал.

– Что я должен сделать? – не выдержал Беспалый.

– Ты пойдешь сейчас к своим зекам и лично – понимаешь, ли-и-чно! – удостоверишься, что с ним. Ты понял?!

– Но заключенные разорвут меня на части! Товари...

– Не посмеют, – резко прервал его Калистратов, – все-таки ты кум, хозяин. У них тоже есть кое-какие понятия. А потом, тронуть тебя – дело очень серьезное, оно запросто потянет на «вышку».

– Хорошо, но даже если они и не решатся на самосуд, в любом случае они могут взять меня в заложники. И что тогда? Кто будет командовать операцией?

– Не переживай, этот вариант мы тоже отработаем. И в случае чего, вытащим тебя. Твоя задача заключается в том, чтобы ты срочно разыскал мне Варяга! Сейчас, немедленно. Мертвого – или живого! Кроме тебя, зеки ни с кем другим разговаривать не станут.

– Это верно, товарищ генерал. Но не слишком ли это будет жирно – менять начальника колонии на труп пусть даже и законного вора?

– Послушай, подполковник! Не утомляй меня. – Голос генерала мгновенно набрал былую мощь. – Если, не дай Бог, под шумок Варяг окажется на свободе, то здесь тебе и мне устроят такой фейерверк, что мама дорогая! В общем, это приказ, и давай не жевать сопли. Выполняй!

– Хорошо, вас понял, – глухо отозвался Беспалый. – Сделаю все, как нужно.

– О результатах докладывай мне в любое время. Выполняй!

Положив трубку телефона, подполковник Беспалый снова поймал себя на мысли, что где-то в глубине души разделяет опасения генерала, сюда примешивалось выработанное годами службы на зоне это чертово предчувствие, интуиция, которые практически никогда его не обманывали. Зеки – народ на редкость изобретательный, они способны устраивать такие фокусы, что даже известных иллюзионистов завидки берут.

– Ты уверен, что пристрелил его? – спросил подполковник старшего лейтенанта Голубка, едва тот переступил его кабинет.

– Товарищ подполковник, я же вам уже говорил, что сам видел: его голова разлетелась, как тыква от удара молотом.

– Я у тебя спрашиваю: ты уверен, что это был именно он?

– Это был он, я его сразу узнал. То есть сверил его с фотографией, которую вы мне дали. Но признаюсь, что видел в основном его затылок, – невесело отозвался старший лейтенант. – Да и расстояние было довольно большим. – Голубок явно сник, предчувствуя возможные неприятности. – Перед выстрелом я был уверен, что взял в прицел именно его. Когда он повернулся в профиль, я очень, очень хорошо его рассмотрел. Фигура, одежда та же. Да, товарищ подполковник, это был именно он. Точно он... Хотя...

– Хотя что?

– Хотел я дождаться, когда он мордой ко мне обернется, но не вытерпел.

– Понятно, – задумчиво протянул Беспалый. – В общем так, старлей, ты свое дело выполнил, к тебе у меня претензий нет, можешь идти и успокоиться. Но чуется мое сердце, что мозги неспроста зеки крутили и не только таким, как ты. Интуиция, понимаешь, мне подсказывает, что зона была разморожена. Для чего? Слишком как-то все это с бунтом неожиданно произошло. Мои стукачи даже не успели сообщить о его подготовке. Знаешь, ты давай шагай, мне нужно самому увидеть труп. Говоришь, прямо в голову саданул? Ну-ну. Хочу, очень хочу посмотреть на твою работу.

Снайпер задумчиво и даже как-то сердобольно взглянул на Беспалого:

– Вы собираетесь идти к ним? Туда? Товарищ подполковник! Они же вас ни за что живым не отпустят! – Беспалый грустно посмотрел на старшего лейтенанта:

– Возможно, но у меня нет другого выхода. – И зачем-то, точно оправдываясь, кивнул на телефон: – Из Москвы, понимаешь, звонили. Там такой хипеш поднялся.

Голубок вскинул голову. В его глазах блеснуло удивление. Только теперь он начал кое-что соображать.

– Скажите, а что это за важная птица такая, что с ним такой «хоровод»?

Беспалый тяжело вздохнул, на секунду задумался.

– Это, да будет тебе известно, голубок ты мой сизый, известный вор в законе, держатель российского воровского общака, Игнатов Владислав Геннадьевич по кличке Варяг.

У Голубка округлились глаза.

– Так я ухлопал Варяга? – хриплым шепотом спросил он.

Беспалый горько усмехнулся, видя, какое впечатление это известие произвело на старлея.

– Варяга, Варяга ухлопал, голуба ты моя. Так что тебе, браток, лучше об этом помалкивать. Теперь в каком бы уголке нашей матушки-России ты ни оказался, воры с тебя скальп снимут как пить дать! Так что советую: держи язык за зубами! О том, что ты его ухлопал, знаю только я... И ты. Смекаешь? Хотя я с уверенностью о его смерти сказать не смогу до тех пор, пока не увижу его труп лично. Вот потому-то я к ним и пойду в пекло.

– Они вас убьют, товарищ подполковник! Ей-богу убьют.

– Это вряд ли. Не божись раньше времени. Блатные тоже понимают, что каждый из нас выполняет свою работу. Они воруют, а я их стерегу. Они бунтовать вздумали, а я усмирять их должен. Не бзди. Не решатся они меня тронуть.

– А если все-таки решатся? – переспросил Голубок, во все глаза глядя на начальника.

– Ну что же, может, судьба такая. Но я вот что хочу тебе сказать: если они меня задержат, то на всякий случай нужно будет пустить по лесу собак. Ты хорошо меня понял, старший лейтенант Голубок? Пустить собак. Так и передашь моему заместителю... Но не сразу, а этак через час-полтора.

– Так точно, понял, – отрапортовал старлей. – Неужели, думаете, побег?

– Думаю, думаю. Кстати, как тебя зовут? А то фамилия у тебя уж какая-то несерьезная.

– Семеном меня зовут.

– Вот такие пироги, Семен. Знаешь что? Посиди-ка ты в моем кабинете на телефоне. Если будут звонить из центра или из Москвы, скажешь, что Беспалый ведет переговоры с заключенными, подробностей никаких не знаешь.

– Есть, товарищ подполковник.

ГЛАВА 3

Блатные даже не сразу поверили словам парламентаря – прапорщика Елисеева, без пяти минут пенсионера, трижды «деда», – что на переговоры с ними собирается выйти сам хозяин колонии подполковник Беспалый. Причем, как передал прапорщик, он согласился практически на все условия зеков, кроме одного – своих «сексотов», то бишь стукачей, сдавать не собирался. В ответ Беспалый выдвинул свое требование – вести переговоры только с Варягом и Муллой.

Зеки совещались минут десять, после чего сообщили старому прапору свое решение – Беспалого они ждут с нетерпением.

Подполковник Беспалый условия соглашения выполнял четко. Вертухаев, вооруженных автоматами, оставил в двадцати метрах от поломанных ограждений и, громко чеканя шаг, словно курсант в сержантской школе, пересек простреливаемую территорию, на несколько секунд задержался у заграждений, перекрывших тротуар, а потом, царапая яловые сапоги, стал перебираться через баррикаду. За ней его терпеливо ожидало две сотни зеков. Их глаза говорили красноречиво: «Вот ты и в нашей власти, начальник!» Беспалый спускался прямо на их кривые взгляды, как на выставленные штыки. Но страха и боязни у него не было. Толпа блатных – не свора беспризорных псов, а данное слово – не пустой базар. Опытный тюремщик знал воров – уж они-то приучены держать слово.

– Послушай, кум, вот и пересеклись наши дорожки. Может, ты сразу свои портки скинешь? Мы ведь здесь все волшебники, способны даже из мужика состряпать Марью-царевну, – нехорошо оскалится молодой вор с похабной кличкой Умывальник.

Беспалый ухмыльнулся и зорким взглядом вырвал из толпы бунтовщиков сухощавого старика – самого авторитетного на зоне вора-рецидивиста Заки Зайдулла по кличке Мулла. Беспалый знал, что Мулла в колонии был и судьей, и советчиком, и главным заводилой – все тайные замыслы и дела зеков вершились с ведома и одобрения Муллы. И Беспалый не сомневался, что если действительно-таки заключенные подстроили ему «шутку» с Варягом, то не обошлось тут без содействия старейшего уркагана, отматавшего на зонах несколько десятилетий.

Беспалый слегка повернул голову в сторону Умывальника и вопросительно поглядел Мулле в глаза.

– Закрой хлебало, Умывальник! – одернул беспределщика Мулла. – Не по чину вякаешь!

– Мулла, да что ты? Я же его на понт брал, – пристыжено отбрехался Умывальник.

– Сиди на жердочке и не чирикай! – грозно гаркнул Мулла и, повернувшись к Беспалому, печально посетовал: – Не та пошла молодежь, не уважают старших. Ты уж извини нахала, Александр Тимофеевич, он свое схлопочет. Ничего, что я к тебе по имени?

– Ничего, Заки Юсупович, ты человек почтенного возраста, тебе можно.

– Вот и ладненько. А блатные ведь – это та же самая волчья стая, а в стае подрастающая молодежь должна уважать вожаков.

Беспалый не торопил события – чувствовалось, что Заки Зайдулла настроен на душевную волну. Мулла осторожно взял подполковника под локоть и повел прочь от баррикадных нагромождений, в сторону барakov.

– Так вот что я хотел сказать, Александр Тимофеевич. Мы все хищные, зубастые рыбы. И мы, как положено в стае, придерживаемся традиций. Ты знаешь, как охотятся хищные рыбы хариусы?

– Нет, Заки Юсупович, не знаю. Расскажи.

– Первой на добычу набрасывается самая крупная рыба, так сказать, в авторитете, потом идет рыба поменьше и только в последнюю очередь – мелочь.

Подполковник Беспалый не отдергивал руку – странный все-таки этот старик Мулла.

– Не хочешь ли ты сказать, Заки, что будешь лапать меня первым?

Неожиданно Мулла рассмеялся. Смех у старика оказался звонким, почти юношеским.

– А ты остряк, Александр Тимофеевич!

– Возможно. И все-таки, Мулла, я бы хотел поговорить о деле.

– Александр Тимофеевич, ты хочешь сорвать торжественный прием. Конечно, мы, зеки, не так богаты, как Министерство внутренних дел. Конечно, я не смогу угостить тебя отменным коньячком, но зековский чифирек ты можешь отведать сполна!

Подполковник Беспалый начал слегка раздражаться. Он высвободил локоть и, повернувшись лицом к старому зеку, сказал:

– Мулла, зачем терять драгоценное время. До рассвета осталось не так много. Давай перейдем к делу, Мулла.

– О каком деле ты говоришь, Александр Тимофеевич? Что может быть важнее человеческого общения? – Беспалый занервничал и спросил в лоб:

– Короче, Мулла, где Варяг?

– О Аллах! – старый зек поднял глаза к небу. – Как же ты нетерпелив, начальник. Неужели тебе не о чем поговорить со стариком?

– Как-нибудь в следующий раз.

– Не обижайся на откровенные слова, Александр Тимофеевич, но он не желает к тебе выходить. Так что я говорю от его имени.

– С чего бы такое пренебрежение?

– Да уж и не знаю. Может, есть за что?

– А мне, Мулла, думается, что причина здесь совсем в другом, – со значением протянул Беспалый.

Мулла в свою очередь многозначительно посмотрел на подполковника и задумчиво произнес:

– Причин всегда много, хозяин...

– Ну да ладно, Мулла, хватит философствовать... Сколько у вас убитых? Как-никак, я отвечаю не только за то, чтобы вы от звонка до звонка тянули свой срок, но еще и чтобы каждый из вас остался целехонек. Что молчишь, Мулла, неужели ты мне в такой пустячке откажешь? Показал бы покойничков – ведь потом же все равно придется их хоронить. Считать вместе придется.

Мулла печально похлопал начальника колонии по плечу.

– Зачем отдавал приказ стрелять? Неужели ты решил, что мы сможем снести заграждения? Или ломануть в тайгу. Ты же опытный человек, начальник со стажем, и понимаешь: так ребята ведь просто куражатся, пар выпускают. На твоей зоне уж почитай годков пять не бузили, а то и шесть. Просто пора пришла – душу отвести, плечи расправить. А ты ОМОН вызвал, начальник... И всяких других специалистов. – Последнее слово Мулла произнес с нажимом, даже как-то скорбно.

– Вот-вот, и я про то же, – подхватил невозмутимо Беспалый. – Хочу взглянуть, все ли снайперские пули попали в цель.

– Ага, ну тогда пойдем, – неожиданно быстро согласился Заки и неторопливым шагом повел Беспалого к барaku, где под грязной простыней покоились усопшие.

Начальник колонии подошел к временно сложенным в углу трупам.

– Четверо, – бесцветно и даже как-то немного разочарованно прозвучал его голос.

Ноги убитых невинно выглядывали из-под серого савана.

– Взглянуть желаешь?

Беспалый кивнул и, взяв в костистую горсть грубую ткань, осторожно, как будто опасаясь, что курноса и на него обронит свой невеселый взгляд, стал стаскивать его с убитых.

Застывшие, осунувшиеся и как-то сразу постаревшие лица. Венька Ежов, Сергей Прохоров – этих Беспалый хорошо помнил живыми; старшему из них минуло всего-то тридцать лет. Третьего он не узнал – видно, сидел в зоне недавно, не высовываясь, а тут на тебе, угораздило высунуться. Так, а вот этого, должно быть, и положил Голубок. Лицо разворочено, полчерепа снесено, как топором оттяпано, – кошмар... Беспалый невольно поморщился. Действительно, вроде как Игнатов. Рост – под метр восемьдесят, крепкое сложение, широкие плечи. Вроде он. Да-да, точно, его одежда. И... тапки. Эти дурацкие тапки, в которых он вечно ходил по бараку и по лагерю. Да, сомнений нет – это Варяг. Владислав Геннадьевич Игнатов. Смотрящий по России. Хранитель воровского общака, бывший, правда. Теперь уже бывший.

Беспалый аккуратно накрыл трупы простыней.

– Что скажешь, начальник? – участливо поинтересовался Заки. – Уж не Варяга ли ты высматривал?

– Ты всегда был очень неглупым вором, Мулла. Варяга в числе жмуриков нет... Что и требовалось доказать.

Некоторое время они внимательно разглядывали друг друга.

Мулла вдруг посерьезнел и почти вплотную подошел к Беспалому:

– А этот, последний, кого ты так внимательно рассматривал, разве тебе он не показался знакомым? – Беспалый устремил тяжелый взгляд на старика:

– Это?... Он?... Ты-то в этом уверен? – Мулла помолчал и глухо ответил:

– Он, Александр Тимофеевич. Кому же еще быть, как не ему. Твой снайпер убил Варяга, – напирая на слова, тихо, как отрезал старый вор.

Беспалый почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Опытный старик все заметил, все знает. Оба помолчали.

– Ну и что теперь? – не выдержал начальник колонии.

– А что теперь? Трупы сожжем и похороним.

– Прямо сейчас? – Мулла кивнул.

– Сжигать-то зачем? – Мулла усмехнулся.

– Береженого Бог бережет, Александр Тимофеевич. На пожар всегда легче сослаться, сам знаешь.

Беспалый про себя только подивился дьявольской хитрости старого зека, который, по-видимому, тоже имел свой глубокий интерес в смерти смотрящего по России. Коварный старик. Если этот обезображенный труп и вправду Варяг, то этим сразу разрубается гордиев узел всех внутренних проблем в колонии и, главное, кладется конец почти полугодовой схватке с упрямым вором, из которой победителем вышел все-таки он, Александр Тимофеевич.

Стоящий рядом с ним Мулла думал о своем, и его губы кривились в загадочной гримасе – то ли лукавой улыбке, то ли скорбном оскале.

Беспалый на всякий случай заметил:

– Но ведь так и доказать, что это труп того, кого ищешь, тоже непросто. – Мулла покачал головой:

– Свидетели есть. Их слов достаточно – тем, кому надо знать. Ты видел труп Варяга. Я видел труп Варяга. Снайпер твой видел, в кого стрелял. Этого достаточно, чтобы рапорт составить. А теперь зачем тебе этот труп – заспиртовать и тихим ходом на экспертизу в Москву отправить? Нет, Александр Тимофеевич, я этого не позволю. Эти трое несчастных никому не нужны – их тут в перелеске закопают, а его под охраной в стеклянной банке повезут? Так нечестно. Все четверо были убиты на одной баррикаде. Вместе и в землю лягут.

Мулла говорил неторопливо, но горячо, даже зло. А у Беспалого от его слов на душе стало легко. Старик убедил начальника колонии в том, что Варяг убит. Последние сомнения развеялись. Сжечь – и концы в воду: был снайпер, не был – кого волнует?

Он весело посмотрел на Муллу:

– Ну а что же ты думаешь делать дальше со мной? Надеюсь, наш разговор окончен и ты меня отпустишь?

Мулла отрицательно покачал головой, – он явно сожалел, что вынужден отказать начальнику колонии.

– Нет, Александр Тимофеевич, ты – гарантия нашей безопасности. Можешь не переживать, тебя здесь никто не тронет. Все-таки слово Муллы в этом мире еще кое-что значит. Я вырву кадык любому, кто попытается даже замахнуться на тебя.

– И до каких же пор ты меня собираешься держать, Мулла? – спросил Беспалый.

– Подумай сам, Александр Тимофеевич. Может, до тех самых, пока БТРы не раздавят наши баррикады? – И Заки Зайдулла расплылся милой улыбкой доброго дедушки.

– Какие БТРы, Заки Юсупович?

– Ох, неужто я ошибаюсь? Хорошо бы, чтоб я ошибался. И все же побудь пока с нами, начальник.

– Смотри, Мулла, как бы потом жалеть не пришлось.

– Аллах свидетель, ты меня забавляешь, Александр Тимофеевич. Правильнее сказать, что тебе бы жалеть не пришлось. К тому же это мы здесь срок мотаем у тебя под замком, а сейчас вот ты нас всех держишь под прицелами.

– Мулла, а ты уверен, что действуешь по понятиям? Я ведь пришел к тебе по своей воле. Я ведь посол! Твои предки за бесчестье своих посыльных сжигали целые города вместе с жителями.

– Ты на мораль не дави, гражданин начальник, посмотрелся я за свою жизнь и не на таких моралистов. А если глубже вникнуть, так какие такие обязательства у меня могут быть перед тобой, начальником «сучьей» зоны? Если что случится, то меня братва особенно за это не осудит. Поймет, знаешь ли... А потом, тебя ведь никто не обижает. Сидим вот с тобой, курим... Как два старых кореша. Разговор у нас может быть долгий, есть что обсудить.

В этот момент по лагерю через «матюгальник» раздалось грозное требование дежурного офицера о немедленном освобождении подполковника Беспалого. Зек с автоматом пальнул в ответ коротенькую очередь, и радиоголос мгновенно умолк.

– Ты совершаешь глупость, Мулла, не жалеешь ты братков, как будто каждый из них бессмертный, – в свою очередь всерьез опечалился Беспалый.

– Ну-ну, – хмыкнул Мулла. – Печешься ты о нас, ни дать ни взять, точно волчара об овечьем стаде.

– Ошибаешься, Заки, – ответил Беспалый, напустив на себя наигранную озабоченность. – Просто ты ведь кое-чего не знаешь: я еще с вечера вызвал из центра роту особого назначения. Неужели тебе нужны лишние жертвы? Ты же должен понимать, что БТРы всех вас к едрене фене передавят. Ты можешь меня тут держать до посинения – даже на куски порвать, но все равно ведь плетью обуха не перешибешь. К утру всему этому безобразию придет конец. А уж коли ты меня погубишь – омовцы тут всю зону превратят в кровавое месиво. А самое главное, зачем? Я ведь тебе здесь не нужен. Ты правильно сказал: я гарантия вашей безопасности – только не тут, а там. Не пойму, чего ты от меня хочешь?

– Я ж тебе втолковываю, начальник, поговорить с тобой, с умным человеком, желаю. Вот как раз до прихода БТРов, – видишь, сам подтверждаешь, что я не ошибся.

– Хорошо, Мулла, поговорим. А дальше что?

– А дальше отдай нам Стаську Щеголя – главного твоего стукача, – неожиданно выпалил старый вор. Беспалый удивленно взглянул на Муллу:

– При чем тут Щеголь, Заки Юсупович?

– Не лукавь, не лукавь, Александр Тимофеевич. Что ж ты думаешь, старый Мулла не знает все про этого продажного гада? Так отдашь нам Стаську или нет?

– Ты что, старик, в своем уме, как же я тебе отдам своего лучшего агента? – признал слова старого зека Беспалый.

– Но ведь ему теперь все равно не жить – ты хоть это понимаешь? – злобно бросил Заки.

– Я переведу его в другую зону, – скривился подполковник.

Глаза Муллы сверкнули.

– Врешь, начальник? – неестественно удивился старый зек.

– Слово офицера даю! – не заметив фальши, отозвался Беспалый и даже сам удивился наглости этой лжи. – И к тому же мое московское начальство ждет моего сообщения. Я должен сейчас же доложиться.

Беспалый посмотрел на часы. По его прикидке, минут через пятнадцать на территорию колонии должны войти моторизованные части внутренних войск на БТРах и БМПешках. Ему надо спешить. Он с нетерпением смотрел на Муллу.

– Ну ладно, – махнул рукой старик. – Слово офицера – так слово офицера. Только дай мне еще одно слово – отведи своих омовцев и «вэвэшников». Дай нам миром закончить бузу. Покуражились ребята, кровь по жилам погоняли. Малость воздуху свободы глотнули – и по камерам. Не триви братву за удаль и молодецкую забаву. Через два-три часа на зоне будет полная тишина. Даю слово. Ну как? Лады?

– Лады! – не задумываясь, согласился Беспалый. Они вдвоем вышли из барака к братве.

– Проводите Александра Тимофеича! – тихо и веско приказал Мулла. – Переговоры окончились миром. Отбой!

Зеки удивленно загалдели. Но никто не посмел осуждать решение старейшего из воров.

ГЛАВА 4

Примерно через час после того как подполковник Беспалый, покинув лагерь бунтовщиков, скрылся за ограждением локальной зоны и после того как Мулла отдал приказ на сожжение трупов, из-за угла барака, с грозным урчанием, показались три бронетранспортера. Две машины сразу же остановились метрах в двухстах, а третья продолжала зловещее движение, развернув в сторону баррикад пушку и спаренные крупнокалиберные пулеметы. Бронетранспортер напоминал хищного холеного зверя, угодившего в тесную клетку. Его широкие гусеницы со страшным скрежетом уверенно подминали под себя все, что попадалось на пути; железный зверь явно нервничал, ему не хватало простора. Вот сейчас он обрушит всю свою злобу на взбунтовавшихся зеков, начнет крушить бараки, бороздя зону из конца в конец.

– Не ссать! – прозвучал рассерженный голос Муллы. – Палить не станут. У них приказа такого нет! Сашка Беспалый отбой скомандовал!

Но будто бы в опровержение его успокаивающих слов с БТРа грозно охнула пушка, разметав самую вершину баррикады. Восставшие зеки, отчаянно матерясь и проклиная свою доверчивость, поспешно рассыпались по сторонам, стараясь укрыться подальше от надвигающегося темно-зеленого железного чудовища.

«Опять Беспалый, падла, обманул, – подумал про себя Мулла, – хотя, конечно, этого и стоило ждать от скурвившегося надсмотрщика. Не мешало бы все-таки Беспалого, суку поганую, прирезать, но теперь поздно, поезд ушел... Хотя, может, оно и к лучшему, лишнюю кровь на себя не брать. Гада и так настигнет Божья кара. Аллах, он все видит. Нам же сейчас важно до рассвета продержаться, а там...»

– Ну что стелетесь по земле, блатные?! Что жопы попрятали по углам? Или вы железяки испугались?! – проорал Мулла и первым бросился в сторону выстрелов.

За ним к БТРу рванули десятка три самых отчаянных зеков.

Тут же им навстречу забили в истерике пулеметы – хрипло, злобно, выхаркивая из раскаленных стволов свинцовую смерть. На бегу, как бы споткнувшись, неестественно дернулся и, нелепо подломив ноги, завалился на бок молодой заключенный по кличке Умывальник. Бронетранспортер, расстреливая боеприпасы, продолжал наползать на баррикаду, расщепляя широкими гусеницами доски, подвигая многотонную преграду, подобно сказочному исполинскому витязю, способному одним движением могучей длани смести любую, даже самую непреодолимую преграду. Уже через минуту дотоле «неприступная» крепость, сооруженная зеками из обломков строительного мусора, готова была обрушиться с трехметровой высоты прямо на головы ее бритоголовым защитникам – бунтовщикам зоны.

Но неожиданно громадная машина забуксовала, выбрасывая вверх комья земли, куски кирпича, щебенку, щепки. Потом она развернулась, зацепила гусеницами колючую проволоку и, намотав ее на колеса, подергавшись с минуту, заглохла.

– Остановилась, стерва! – послышались с баррикады злорадные выкрики. – Теперь отсюда только на металлолом!

Бронетранспортер, спутанный колючей проволокой, выглядел очень уныло, точно так же нелепо хищный и опасный зверь смотрится из-под густой охотничьей сети.

– Ну чего замерли?! Братки! – прикрикнул Мулла, сосредоточенно поглядывая на остановившийся БТР; ему было понятно, что бронетранспортер еще способен показать свою звериную сущность, особенно если опомнятся сидящие в нем бойцы, которые надолго не смиряются с таким положением вещей, когда их пушки и пулеметы торчат в небо.

– Выпотрошите эту консервную банку, пацаны! – истерично завопил блатной по кличке Лысый. – Коли прутами металлическими всех козлов, сидящих в БТРе

И, показывая пример, он первым взобрался на машину, беспомощно задрывшую нос и воткнувшуюся гусеницами в баррикаду.

Сбегаясь со всех сторон, они старались атаковать бока бронетранспортера. Кое-кто из них даже взобрался на броню. Сталь тревожно ухала под каблуками их башмаков. Озверевшая от возбуждения и страха толпа просовывала в смотровые щели ножи, палки. Точно так же, скопом, первобытные люди добивали раненого мамонта, провалившегося в яму-западню.

– Не постреляют они нас всех?!

– Теперь не постреляют: по своим палить не станут! – подбадривали друг друга.

– Да теперь мы из этой черепахи все мясо повыковыриваем, – разгоряченно орал молодой зек по кличке Маэстро. В его руке сверкала огромная пика из арматуры, он размахнулся и что есть силы метнул ее в распахнувшийся на какое-то мгновение люк. Внутри машины что-то глухо брякнуло, послышалась злобная ругань, и тотчас люк намертво захлопнулся.

Прошло минут пять, пока братки безуспешно копошились вокруг металлического зверя.

Неожиданно все люки БТР одновременно отворились, и бронетранспортер ошетинился стволами автоматов. Зеки в ужасе отпрянули; кто-то кубарем покатился с брони. Среди дикого мата и истошных перепуганных выкриков раздался звонкий юношеский голос, уверенно командовавший:

– Огонь!

Затарахтели АКМы.

Взметнув руками, упала первая цепочка нападающих. Мулла увидел, как схватился за окровавленное плечо Лысый, как скрючился, сжимая простреленный живот. Маэстро: он любил играть роль первой скрипки – похоже, это был последний концерт в жизни блатного «музыканта».

– Назад! Отходи! – срываясь на хрип, торопил Мулла.

Приказ был излишним – зеки разбежались во все стороны.

Через минуту по соседней баррикаде глухо пальнула пушка со второго бронетранспортера. Там, где секунду назад была навалена огромная гора из железобетонных панелей, образовалась глубокая яма, а железобетон взрывной волной разбросало на десятки метров вокруг. Снова застрекотали тяжелые пулеметы. Невыносимо громко заскрежетали вращающиеся гусеницы, и БТРы, находящиеся в прикрытии, уверенно поползли через образовавшийся проход на территорию зоны, на которой сейчас хозяйничали зеки. Следом за бронетранспортерами, с пуленепробиваемыми забралами на лицах, в бронежилетах, со щитами, вооруженные автоматами, бежало не менее роты спецназовцев. Они что-то яростно выкрикивали и палили поверх голов разбегающихся зек.

Многочисленная толпа заключенных была рассечена на несколько групп, и спецназовцы прикладами автоматов вколачивали в асфальт особенно неторопливых.

Только в одном месте заключенные продолжали оказывать сопротивление. Это был завал, отделяющий промышленную зону от жилого сектора. Здесь собрались самые непримиримые отрицалы, которым, как и нищему пролетариату, терять больше было нечего. Среди них выделялся высокий сухощавый старик. Невзирая на свой почтенный возраст, он размахивал над головой длинной арматуриной, к которой был приварен тяжелый металлический брус; если бы не шупловатое телосложение старика, то можно было бы подумать, что среди бунтарей оказался былинный герой, вооруженный богатырской палицей.

– Не бойсь, братва! – орал Мулла, а это был именно он, собравший все свои силы, возмущенный обманом Беспалого, вкладывающий в битву всю накопившуюся за долгую жизнь ненависть к власти, к вертухаям, ко всему миру.

Подбежавший к завалу бритоголовый молодой омоновец вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. АКМ отрывисто затараторил, но вдруг закашлялся и умолк.

– Блин! Сука! Опять перекосило! – хрипло самому себе прошептал автоматчик. Он пригнулся, поставил автомат на предохранитель и лихорадочно выдернул рожок. – Так и есть – патрон перекосило. – Сухими пальцами он поставил горячий металлический цилиндр на место и вставил магазин. Но в этот момент почувствовал, как ему на плечо легла чья-то рука. Он резко обернулся и увидел прямо за своей спиной подполковника Беспалого.

– Что, сынок, с дефектом личное оружие попало? Заклинило? Досадно! – подполковник мягко выдернул АКМ из рук омовца. – Дай-ка я попробую!

Беспалый не отрываясь смотрел на высокую фигуру Муллы. Она отчетливо высвечивалась на фоне освещенного прожекторами промышленного барака. Беспалый увидел, как разгоряченный старик с размаху опустил металлический прут на голову солдата, пытавшегося достать его прикладом, и пожалел о том, что только что отдал приказ взять группу зачинщиков обязательно живыми. Хватит! Пора кончать с этим шухером, и Беспалый, прицелившись, дал очередь.

Звонкий автоматный треск растаял в воздухе. Чаще всего такой звук бывает, когда пальба происходит на огромных пространствах.

Прежде чем упасть. Мулла как-то странно откинулся назад, а выпавшая из его рук арматура бухнулась к ногам подбежавшего к нему омовца.

Беспалый довольно хмыкнул – вот он и поставил последнюю точку в деле Заки Зайдуллы по кличке Мулла. За дальнейшее можно не переживать. Варяг убит. Теперь, узнав о гибели старика, зеки надолго превратятся в безголосое стадо и будут вздрагивать, едва услышав фамилию начальника колонии.

– Товарищ подполковник! – услышал Беспалый за спиной голос замначальника колонии майора Кротова. – Еле вас нашел! Слава Богу, что вы живы. Они вас отпустили?

– Как видишь, – самодовольно заметил Беспалый и улыбнулся, вспомнив конец своего разговора с Муллой.

– В нашем деле, Кротов, главное – хитрость. Военная хитрость. И смекалка. Что у тебя? – с этими словами Беспалый, с уверенностью человека, привыкшего к оружию, небрежно перебросил автомат омовцу.

– Из Москвы звонил генерал-лейтенант Калистратов. Спрашивал обстановку. Просил срочно перезвонить.

– Ладно, теперь можно и позвонить, – кивнул Беспалый, весьма довольный собой. – И вот что, майор, передай нашим и прибывшему подкреплению мою команду – всех зеков бросить мордами на плац, продержат их так до самого утра. А затем я сам побеседую с самыми непримиримыми: у меня свои методы.

– А что делать с покойниками, товарищ подполковник?

– Со жмуриками у нас никогда проблем не было. Эти-то уж бунтовать не станут! Переташите их в покойницкий барак и сегодня же к вечеру закопать на зековском кладбище.

– Слушаюсь, товарищ подполковник!

Беспалый двинулся было прочь, но остановился и, строго поглядев на Кротова, добавил:

– И вот что. Среди наших есть потери. Срочно раненых к Ветлугину, и тех, кому не повезло, будем завтра хоронить с почестями.

Майор вздохнул и понимающе кивнул подполковнику Беспалому. Потом, опомнившись, вытянулся, козырнул:

– Так точно. Вас понял. Все сделаю! – Беспалый криво улыбнулся и про себя сказал: «Я бы на твоём месте сделал! Это точно!»

Оказавшись у себя в кабинете, Беспалый плотно затворил дверь и рухнул в кресло перед письменным столом. Только теперь он понял, что жизнь его висела на волоске. Он почувствовал, как взмокла спина от холодного пота. Даже ладони вспотели, что бывало с ним крайне редко. Последний раз года два назад – когда ему устроил выволочку генерал Сазонов из крае-

вого УВД. Грозил под трибунал отдать. А делов-то всего было – какой-то ихний важный древний зек помер. Старик сел в середине 80-х, проходил по узбекскому делу о взяточничестве. Потом, когда кремлевская машина потихоньку стала давать задний ход, дело его пересмотрели и вроде как готовили выпускать условно досрочно. Но чинуши из краевого управления, суки паршивые, до последнего момента играли в молчанку, боялись, видно, напортачить, никаких указивок не давали, дескать, поступай сам как знаешь, а старик-то возьми и заболей пневмонией. И в три дня окочурился. Генерал Сазонов, блядь трусливая, визжал да слюни пускал. Ногой топал... Кулаки до крови об стол поразбивал. Ситуация тогда была нешуточная: запросто могли Беспалому срок за халатность припаять, и сидел бы как миленький.

Да, интересно, что сейчас выкинет Калистратов?... Разговор предстоял тяжелый. Не прошло и пяти часов после их последней беседы. И теперь подполковнику Беспалому придется докладывать в Москву, что Владислав Игнатов, законный вор и хранитель всероссийского бандитского общака, убит в перестрелке во время бунта на зоне. Так или примерно так он это сформулирует. Что также погиб еще один старейший вор в законе по кличке Мулла, отмотавший по зонам всю свою сознательную жизнь. Беспалый снял трубку, вышел на межгород, набрал московский код, потом служебный номер Калистратова.

Генерал ответил на втором звонке.

– Товарищ генерал! – Беспалый почувствовал, как подрагивает трубка в вспотевшей ладони. Нервы, нервишки... – Это подполковник Беспалый из...

– Слушаю, Александр Тимофеич! Что там у тебя? – Беспалый уловил незаметную перемену в тоне и голосе Калистратова. Видно, за эти пять часов в Москве что-то произошло. Что-то, малость осадившее горячего генерала. Может, все переигралось? Может, смерть Варяга теперь им даже на руку?

– Товарищ генерал. Я лично сам проверил. Объект... заключенный Игнатов убит в перестрелке, завязавшейся в ходе бунта заключенных. Убит Мулла... – Беспалый сделал паузу. – Бунт подавлен, – зачем-то добавил он. Видно, дало о себе знать инстинктивное чувство самосохранения. Успокоил начальство на всякий случай. – Ситуация нормализуется.

Он замолчал в тревожном ожидании. Калистратов, вопреки его предчувствию, заговорил спокойным ровным голосом.

– Значит, так, Александр Тимофеич. Напишешь подробный рапорт о случившемся. Да, но сначала проводи служебное расследование. Установи, если сможешь, из какого оружия произведены выстрелы. И после этого пиши рапорт. На имя начальника управления исполнения наказаний.

– То есть не на ваше? – уточнил Беспалый.

– Нет. На мое теперь будешь писать разве что новогодние открытки.

Беспалый заволновался. Он почуял что-то неладное. И, набравшись смелости – или наглости, спросил напрямик:

– У вас неприятности, товарищ генерал-лейтенант? – Калистратов ответил не сразу.

– Да, теперь это так называется. Вспомнили, родные, вдруг, среди ночи, что мне шестьдесят в марте исполнилось. Предложили подать рапорт об увольнении. По выслуге лет. К осени сдам дела. Если только теперь с твоим Варягом катавасия не начнется.

С «твоим Варягом» – нет, ну каков прохвост! Сам мне его сунул «на сохранение», под контролем содержать, а теперь «твой». Нет, товарищ генерал, это не мой, а «ваш Варяг»! Хотя, конечно, теперь и мой.

– Значит, гарантию даешь? – донесся до его слуха неуверенный голос московского генерала.

– Простите, товарищ генерал. Связь прервалась. Что вы сказали?

– Говорю, даешь гарантию, что Варяг убит?

– Даю, товарищ генерал. Сам лично видел труп.

– Ладно, – и Калистратов, не прощаясь, повесил трубку.

Беспалый долго сидел набычившись и думал. Думать было о чем. Теперь его служебная карьера, а по сути и вся жизнь, обещала круто измениться. Он чувствовал, что смерть Варяга еще должна была сыграть с ним ох недобрую шутку...

ГЛАВА 5

Шрам посмотрел в окно. Мимо пролетели ростральные колонны. Сейчас он рванет на Васильевский остров, намеренно поплутает по Василеостровским линиям и остановится у невзрачного ветхогодомишки с вывеской «Леноблкнига». Там и состоится его очередная встреча с генералом МВД Калистратовым, курирующим Северо-Западный регион.

Шрам усмехнулся. Чудно устроена жизнь, он, законный вор, уже около года являющийся «папой» северной столицы, встречается с эмвэдэшником, да еще с каким! Знал бы кто из его ближайших корешей, какую опасную игру он ведет... Даже дух захватывает при мысли об этом. Но игра стоит свеч. Риск оправдан – если знаешь, какой куш на кону.

Задумавшись, он едва не проскочил на красный свет. Но, вовремя спохватившись, ударил по тормозам, и его «джип-чероки», взвизгнув, как вкопанный остановился посередине пешеходного перехода.

С недавних пор Шрам не любил «джипы», считая их дешевым шиком, фенькой шантрапы. Хотя сам последние несколько лет раскатывал именно на «джипах» – у него их было штук шесть, и все черного цвета. Но когда в Москве, а за ней и в Питере всякая шелупонь сменила «восьмерки» и «девятки» на «мицубиси» и «паджеро», он понял, что теперь ему городской вездеход не по рангу. Он заказал себе в Германии сначала «мерс», а потом «БМВ». Он уважал немецкие автомобили – надежные, солидные, быстроходные. Существенные тачки. Жаль, что в России такие не выпускают.

Этот дурацкий черный «джип-чероки» ему пригнал Гоша Грунт. Грунт был мелким импортером бразильского кофе, а по совместительству «крот» МВД. Он тихо собирал материал обо всех, кто был связан с продовольственным бизнесом. Импорт продовольствия в Питере, как и везде по России, представлял собой сложную пирамиду, в которой были повязаны таможня, налоговики, местные властные структуры, торговцы. И все были подконтрольны бандитам. То есть фактически ему, Шраму. Грунт вел «учет» импортных операций, и в его картотеке фигурировали все – от рядовых пограничников и таможенников на российско-польской и российско-финской границе, которые лепили печати на заведомо липовые накладные, до обитателей высоких кабинетов в Смольном, дававших устные указания на ввоз тех или иных контрабандных товаров. Мало кто догадывался, что именно картотека Грунта являлась источником сведений о коррупции в Петербурге, которые накапливались в спецпапках МВД. Спецпапки хранились в сейфах долгие годы, чтобы в нужный момент их можно было извлечь на свет и «слить» в очередном разоблачительном репортаже бойкого журналиста...

Всю необходимую информацию о продовольственном деле в Питере Гоша регулярно, за бабки, предоставлял и Шраму.

Параллельно выполняя для него целый ряд других заданий.

Именно Гоша Грунт сыграл историческую роль, совершенно случайно оказавшись посредником в знакомстве Александра с генералом Калистратовым.

...Это случилось ровно год назад. Как раз тогда убили Стреляного, крупного питерского бандита, не подчинившегося решению сходняка положить конец беспределу в Питере. Через несколько дней у Шрама в офисе раздался странный звонок. Он тогда снимал этаж в старинном доме на Невском, ближе к Адмиралтейству. Его легальная фирма (одна из десятка, ему принадлежавших) занималась экспортно-импортными контрактными поставками продовольствия, и он был, как всегда, совершенно чист перед властями. И вдруг тот звонок – разговаривала Леночка, секретарша. Позвонивший назвался Золотовым и уверял ее, что данный телефон ему дал лично Георгий Сергеевич Грунтов и что господину Степанову будет очень интересно с ним встретиться, чтобы обсудить возможности для делового сотрудничества. Шраму фамилия «Золотов» ничего не говорила. Может, из области? А поскольку Гошки тогда в Питере

не оказалось, он самостоятельно навел справки – никакого Золотова в питерских торговых кругах не знали. Был Петька Золотников – держал под собой всю обувную торговлю в городе и области, был еще Золотин Вовка – этот колготки итальянские контролировал. О Золотове никто не слышал. Но Шрам был не из пугливых – решил на встречу пойти, посмотреть, что это за фрукт. Когда Калистратов позвонил второй раз, с ним разговаривал сам Шрам. Стрелку забили в ресторане «Юнона» – новом заведении с австралийской кухней. Шрам пришел на встречу с тремя «партнерами». Калистратов явился один. Это Шраму сразу понравилось. И еще понравилось, что незнакомец не опоздал – пришел точно, как договаривались, в семь. Сели за столик, заказали какую-то мелочевку – салат из морепродуктов, гусиный паштет, зелень. Без спиртного. Шрам «партнеров» попросил пересесть за дальний столик в углу, чтобы поговорить с гостем с глазу на глаз. И тут его ожидал самый главный сюрприз.

Не успел он поинтересоваться у господина Золотова, в какой области у него бизнес, как тот сразу раскрыл все карты. Он просто достал красное удостоверение и раскрыл его. Шрам прочитал фамилию «Калистратов» и увидел, что перед ним сидит генерал-лейтенант МВД. Псевдо-Золотов, видя его мгновенное замешательство, поспешил заметить:

– Александр Алексеевич, я вам сейчас в двух-трех словах обрисую ситуацию, которая вынудила меня – я подчеркиваю слово «вынудила» – обратиться к вам в такой неофициальной форме, а дальше сами решайте, как поступить. Итак, вы Александр Алексеевич Степанов, воровская кличка Шрам. Первый срок получили в 1985 году за грабеж и разбой. Дали вам пять лет. Отбывали наказание в Пермском лагере общего режима. Там, судя по некоторым данным, вы сошлись с авторитетными ворами, те вас приветили, и с их благословения потом вас короновали. Здесь, в Ленинграде... то есть в Петербурге... – Калистратов улыбнулся. – Все никак не могу привыкнуть к этой новой моде. Для меня город на Неве как был Ленинградом, так и останется... Да, так вернемся к нашим баранам. Здесь, в Петербурге, вы стали фактическим лидером криминального сообщества. У вас свои карательные бригады. У вас разветвленная сеть осведомителей а гонцов. Вы безжалостно караете беспредельщиков и «крысятников»...

– Откуда?... – вырвался хриплый вопрос из горла Шрама. – Ты... Вы из Большого дома?

– Да, я из «большого дома» – но не из того, о котором вы подумали, Александр Алексеевич. Я не комитетчик, я именно генерал МВД, приехал из Москвы специально, чтобы с вами познакомиться и решить кое-какие важные вопросы.

До этого Шраму приходилось, и не раз, разговаривать с высокопоставленными чинами из МВД, но с генералом МВД только один раз в жизни – когда на тюремной пересылке в Ульяновске (ему тогда только что вынесли очередной приговор и этапировали в Пермь) его вызвал к себе начальник краевого УВД генерал Михайлов и без обиняков предложил сотрудничество. Двадцатидвухлетний Шрам рассмеялся ему в лицо. Он был тогда еще совсем зеленый бандит-беспредельщик и люто ненавидел ментов.

С тех пор он повидал их немало, особенно в последние годы, когда власть в России сменилась и он, с подачи Варяга, стал законным вором, живущим по понятиям (так, по крайней мере, о нем говорили). За это время Александр Степанов свел близкое знакомство со многими высокими чинами правоохранительных органов. Ему понравилось заводить дружбу с ментовским руководством, беззастенчиво покупать начальников райотделов и облуправлений МВД и ГАИ, подмазывая их так щедро, что они ему служили верой и правдой.

Но с московским генералом такого ранга Сашка Степанов беседовал впервые.

Поэтому, услышав, с кем имеет дело, он дернулся и инстинктивно повернул голову в сторону так называемых «партнеров». Генерал Калистратов нахмурился.

– Не надо. Вам не грозит опасность. Я же пришел к вам один, без охраны, без ордера, без группы захвата. Повторяю: нам надо поговорить. Спокойно. Так вот, вы самый авторитетный и самый могущественный человек в Петербурге. Особенно сейчас, когда убили Тарасова – Стреляного.

– Ваша работа? – перебил собеседника Шрам, решив проверить генерала на вшивость: он блефовал, поскольку прекрасно знал, что Стреляного убили по приказу Варяга. Стреляный не подчинился воле смотрящего по России, проигнорировал решение сходняка, продолжал беспредельничать – вот и поплатился.

Услышав вопрос, Калистратов, глядя прямо в глаза Шраму, отрицательно помотал головой:

– Нет. А если вы спросите меня чья, я вам откровенно отвечу: знаю, но доказать никто не может. Но как раз не в этом суть дела. Суть дела в том, что здесь, а скоро, я подозреваю, и у нас в Москве начнет разваливаться старый, неплохо отлаженный порядок, который строился в течение многих лет, многими авторитетами. Более того, в свете некоторых внешних событий ситуация и в вашем сообществе может измениться в нежелательную сторону. В нежелательную – для вас, Александр Алексеевич, и для... нас.

– Что вы имеете в виду? – спросил тихо Шрам.

– Я имею в виду разброд и шатания. Хаос. Собственно говоря, хаос уже начался. Есть признаки того, что появляется некая сила – люди, которые хотят дестабилизировать обстановку в Ленин... Петербурге. Вам так не кажется?

Шрам задумался и некоторое время сидел молча, ковыряя вилкой салат из морепродуктов.

– Пожалуй, – наконец выдавил он. – Но какие-то предположения у вас есть?

– А у вас? – быстро спросил Калистратов.

– Теряюсь в догадках, – уклончиво сказал Шрам.

– Я могу дать вам одну наводку, – улыбнулся Калистратов. – Мы предполагаем, что убийство Стреляного могло произойти по указанию... Варяга! – И увидев, как напряглось лицо Шрама, генерал добавил уже без улыбки. – Владислава Геннадьевича Щербатова – Игнатова (называйте как угодно).

– Зачем ему это? – продолжал валять дурака Шрам.

– Зачем это ему, можно только догадываться – возможно, в интересах укрепления своей власти в России. Тарасов был сильный лидер. Его знали не только здесь, но и в Красноярском крае, и на Урале, не говоря уж о Европейской России. Конечно, методы Тарасова были скорее бандитские, а не воровские, но такой человек был необходим очень серьезным людям. Варягу такой сосед вряд ли был нужен. Но дело не в этом – самым невероятным образом убийство Тарасова оказалось выгодным вам.

– Мне? – удивился Шрам.

– Ну да. Что ни говори, а положение хозяина Санкт-Петербурга и области после этого убийства укрепилось. Улавливаете?

Шрам свирепо отодвинул тарелку. Калистратов поднял вверх указательный палец и улыбнулся:

– Кстати, вне зависимости от исхода нашей беседы, хочу вас предупредить: молодые люди, что с такими напряженными лицами посматривают в нашу сторону, буквально не отрываясь, в принципе представляют теперь для вас опасность. Встреча с генерал-лейтенантом МВД... Сами понимаете, Александр Алексеевич!

– Пугать решили, гражданин начальник? Так имейте в виду – я перед законом чист. На меня у вас ничего нет. Три года назад я вышел на свободу с чистой совестью. Это раз. А два – у меня такой авторитет здесь, что я хоть с министром внутренних дел, хоть с генеральным секретарем ЦК КПСС, если таковые еще в силе, встречусь – и никто, не то что «пехота», слова не пикнет и косо не посмотрит. Все знают: раз Шрам встречается – значит, это для дела надо. И точка.

Калистратов опять улыбнулся:

– Молодец, Александр Алексеевич, я вас себе именно таким и представлял. Но вы недо-слушали. Я вас не испугать хочу, а предупредить. Так как интуиция подсказывает мне, что встанем мы с вами из-за этого стола хорошими друзьями. Я вам сейчас кое-что скажу, а вы слушайте, пожалуйста, внимательно. Мне поручено очень влиятельными людьми наладить контакты в криминальном сообществе России с молодыми авторитетными людьми, которые могли бы стать мягкой альтернативой ныне существующей власти в вашем сообществе и которые могли бы с течением времени взять это сообщество под свой контроль.

– Что значит «мягкая альтернатива»? – перебил Шрам.

– Хороший вопрос. Это значит люди из того же круга, не чужаки, к которым естественным образом может перейти власть. Без тотального кровопролития. Без, как говорят американские бандиты, войны в мафии. Я не случайно упомянул имя Варяга. Варяг является ставленником тех людей в системе, которые не сегодня завтра могут исчезнуть. Я не буду сейчас вдаваться в политические подробности, но скажу одно: в стране скоро будут большие изменения. Эти изменения затронут все слои власти – как политической, так и криминальной. У нас же не зря пишут о сращивании криминала и власти. Да, да, срослись, и еще как срослись, – к тому же с незапамятных времен. Но ведь всякий слом в политической машине неизбежно влечет за собой слом и в связанной с ней криминальной машине. Новые люди в Кремле, новые люди в Госдуме – и пиши пропало. Опять начнется передел сфер влияния в воровских и бандитских кругах, передел собственности, дележка общака. Начнутся массовые отстрелы. Так было всегда – при Андропове после Брежнева, при Горбачеве после Черненко. Так будет и после нынешнего нашего вождя...

– Ну нынешний-то еще ого-го какой! – возразил Шрам.

– У меня на этот счет иные сведения, – серьезно заметил Калистратов. – Словом, я предлагаю вам совместное дело. На взаимовыгодных условиях. Вы же легальный бизнесмен. Считайте это деловым предложением. Нам – мне и вам – нужно убрать кое-кого в криминальном воровском кругу. Нет, нет – речь не идет о физическом устранении. Речь идет о физическом удалении. Ссылка, дальше зоны, подставы, вплоть до лишения гражданства и права на въезд в Россию. Улавливаете?

– Вы имеете в виду и Варяга?

– И его, конечно.

– Но он же сейчас где-то в Америке!

– Александр Алексеевич, – развел руками генерал Калистратов, – меня настораживает ваша неосведомленность. Формально Владислав Геннадьевич Игнатов числится в Америке, но в данный момент пребывает в России. И если мне не изменяет память, с неделю тому назад он был здесь, в Питере, и даже встречался с покойным Тарасовым, бывшим главарем питерской братвы. Давайте о другом, Александр Алексеевич. Если мы с вами сейчас договоримся, то может так случиться, что в России обнаружится одна интересная вакансия – место смотрящего всея Руси. Хе-хе-хе. Это вам не питерский пахан, это...

Шрам от последних услышанных слов даже похолодел. Японский бог! Стать смотрящим по России – вот на что намекал генерал! У Шрама даже слегка закружилась голова.

– А вам-то это зачем?

Калистратов скроил обиженную мину.

– Александр Алексеевич, голубчик! Я готов повторить: с учетом новых политических веяний нам надо на корню пресечь возможный хаос – вы в своей сфере, мы – в своей. А вместе мы будем делать прежнее дело – держать в узде толпу. Попомните мое слово – грядут большие перемены. Вы даже себе представить не можете какие. Вся вертикаль государственной власти и параллельная ей вертикаль криминальной власти в Росси может в одночасье рухнуть – разве это можно допустить? Поймите, при том крутом повороте политического флюгера, который не за горами, все эти «варяги» и те, кто за ними стоит, сгинут! А кто придет им на

смену? Выскочки, у которых за душой ничего, кроме кабаков с голыми бабами, нет! Шантрапа в «джипах»?

Шрам тогда усмехнулся: верно вякает эмвэдэшный генерал. «Шантрапа в „джипах“ – надо запомнить эту фразу. Сказанная год назад, сейчас она как нельзя более точно отражает точку зрения самого Александра Степанова.

Собеседники помолчали. Генерал закурил, уверенно делая глубокие затяжки.

– Сейчас я приехал сюда в связи со следствием, которое ведется по делу об убийстве Тарасова-Стреляного, – продолжал Калистратов. – Собранные улики косвенно показывают, что в убийстве были заинтересованы как московские криминальные боссы, так и... местные, ленин... питерские. Учтите, то, что я вам сейчас говорю, оперативная секретная информация и я сильно рискую – погонами, если не головой. Но я все же вам скажу. Улик мало. Арестовать мы кого-то можем, но потом всех придется отпустить. До суда дело явно не дойдет. Но по городу может – я подчеркиваю, может – пойти слух, что в убийстве Стреляного был заинтересован некто, кто метит на его место. Улавливаете? Я уверен, Александр Алексеевич, что вы заинтересованный человек. Не сомневаюсь, что именно вам в ближайшие дни будет предложено стать смотрящим по Санкт-Петербургу. Но даже если авторитетные люди проголосуют за вас, то слух о какой-то вашей причастности к убийству в низах будет иметь весьма и весьма серьезное значение и последствия. Это не угроза, Александр Алексеевич, это реальность, которая не зависит от моего или вашего желания. Это я передаю вам мнение моих московских... коллег. Если вы откажетесь с нами сотрудничать, слух о вашей причастности к убийству Стреляного из Москвы будет невозможно остановить. И у вас здесь возникнут очень крупные неприятности. Вы это и без меня хорошо знаете.

Калистратов помолчал, раскурил еще одну сигарету и продолжил:

– И последнее. О ваших трех партнерах, которые сидят там, в углу. Я достаточно хорошо изучил ваше дело и имею представление о вашем психологическом складе. Я почти убежден, что вы примете мое предложение. Не сразу. Вы подумаете над ним, поразмышляете – и согласитесь. Вот тогда-то вам надо будет позаботиться об этих трех ребятах. Потому что, кроме них, насколько я понимаю, нас с вами вдвоем больше никто не видел. Вы меня поняли? – Калистратов говорил быстро, почти скороговоркой. Он приподнялся: – Я уйду первым. Искать меня не надо. Я пробуду в городе еще два дня. В пятницу утром, часов в десять, я вам позвоню на работу. Надеюсь, к тому времени у вас созреет решение.

Он позвонил в пятницу ровно в десять утра. Шрам снял трубку и, услышав знакомый голос, без долгих раздумий выдохнул:

– По рукам, генерал!

Калистратов не стал комментировать тон Александра Степанова и быстро назвал адрес на Васильевском острове, добавив:

– Приедете туда к вечеру с теми тремя «партнерами». Но чтоб об этом, кроме вас, уж точно никто не знал.

Шрам, не прощаясь, положил трубку.

Он взял их на Васильевский с собой в свою машину, ничего заранее не объяснив. Толик Ильин, Лешка Пузанов и Костя Шустов. Этих ребят он знал давно – ходил с ними не на одно толковище. Они были его личными телохранителями. Бывшие спецназовцы, которые после дембеля помотались-помотались без дела и без денег да и прибились к одной областной бригаде. На них Шраму в свое время указал Витька Косой – молодые, здоровые, ловкие ребята, стреляют без промаха, кулаки стальные, нетрепличные. Шрам взял их однажды на беседу с мурманскими щипачами, которые повадились в пассажирский порт бомбить интуристов. Разговор был короткий – мурманчане поначалу пытались гонор показать, но шрамовские бойцы их маленько тряханули – без лишних слов, без шума, – и пришлые убрались восвояси. С тех пор

Шрам всегда брал свою «тройку» на переговоры. Не то что он любил этих ребят, но привязаться – привязался, и расставаться с ними ему было жаль.

Шрам не знал, как Калистратов распорядится ими, но понимал, что назад с Васильевского ему, видимо, придется ехать одному. Так и получилось. Вернее, получилось хуже.

Когда они вчетвером зашли в кабинет номер «9» на третьем этаже, Калистратов попросил троих пройти в смежную комнату и пока подождать там. В комнату вела внутренняя дверь. Шрамовы телохранители вопросительно глянули на хозяина, но тот спокойно кивнул: мол, вперед, ребята. Те послушно скрылись за дверью, и там тотчас раздались сухие хлопки – три. По звуку Шрам понял: пистолет с глушителем.

Калистратов молча мотнул головой: мол, пойдй, взгляни. Шрам неохотно вошел. Он успел заметить, что окон в помещении нет, а все четыре стены обиты толстыми, звуконепроницаемыми мягкими панелями. В дальнем углу стояла темная фигура. Лица было не разглядеть, но в опущенной руке человек держал пистолет. На полу перед дверью неподвижно лежали три трупа. Крови не было. Все трое были убиты наповал выстрелом в голову. Шраму стало страшно. Но Калистратов молча тронул его за плечо и вывел обратно. Плотнo затворив дверь в смежный кабинет, Калистратов впервые со времени встречи внимательно посмотрел на гостя и заговорил с ним:

– Александр Алексеевич, то, что произошло сейчас, произойти должно было – в наших с вами интересах. Этих бойцов вы сами подставили во время нашей первой встречи, так что винить вам некого. Их найдут сегодня ночью за городом. Будет следствие, выяснится, что они стали жертвами криминальной разборки.

– А как же тот, кто стрелял? – хрипло спросил Шрам.

– За него не беспокойтесь. На нем уже столько крови, что ему для собственной же пользы лучше держать язык за зубами...

И вот спустя год Шрам снова ехал туда же, на Васильевский остров. На их с Калистратовым тайную явку. Он понимал: случилось что-то важное, иначе генерал не стал бы вызывать его лично, а позвонил бы по мобильному телефону. Что же могло произойти? – недоумевал Шрам. Он взглянул на часы: 18.55. Чуть выше над цифрами чернела дата: 30 мая.

«Джип» мчался по Василеостровскому проспекту. Шрам думал о генерале Калистратове. Тогда, в их первую встречу, Калистратов обронил что-то о том, что изучил его досье и знал его, Шрама, психологический склад. Что он имел в виду? Что Шрам болезненно властолюбив? Что после коронации он вдруг ощутил сладкий вкус власти, который позволял утолять самолюбие и жажду подчинять себе других. Сладкий вкус власти... Да, кому-то нравится убивать. Кто-то – самые дикие, примитивные, бойцы-гпадиаторы – обожает терпкий вкус крови. Тех хлебом не корми – дай насладиться предсмертным ужасом, застывшим в глазах беззащитной жертвы. Таких Шрам не любил, питал к ним отвращение: подонки, мразь. Другие испытывали страсть к деньгам. К роскоши. Их пьянил сладкий вкус богатства. Эти воровали, грабили, убивали только ради одного – чтобы заграбастать побольше бабок. Чтобы закупить себе импортных шмоток, ездить по пять раз в году на Средиземное море греть пузо. Чтобы купить под Питером дачу и чтоб это был непременно особняк какого-нибудь партийного пенсионера, с резной мебелью, с телефонами во всех комнатах, с участком в два-три гектара. Такие начинали с того, что в 1991 году за бешеные бабки приобретали в обкомовском гараже списанные ЗИЛы-«членовозы», потом меняли их на подержанные белые «линкольны», а потом вместо них покупали новенькие «роллс-ройсы». Они жрали за троих, пили за пятерых, словно торопились компенсировать голодные годы сидения на скудном совковом продпайке. Но мало кто из его ближних знал этот сладкий вкус власти.

Да, Калистратов оказался тонким психологом. Он был прав – Шрам готов пожертвовать многим, очень многим, даже переступить через воровские понятия, чтобы обрести как можно больше власти. Когда полгода назад Шрам сдал Варяга и организовал похищение его жены с

сыном из Америки, он знал, что совершает тягчайший грех. Знал, что за такое вся воровская Россия, если тайное станет явным, дружно поднимет его на «перья», разорвет в клочья, заживо сварит в кипящем масле. Но он шел напролом. Его манила жажда власти. Он верил генералу Калистратову. И надеялся с его помощью и при его поддержке в скором времени занять место смотрящего по России.

«Джип», резко затормозив, остановился перед дверью трехэтажного дощатого домика. Покрытые пылью окошки были занавешены грязными шторками. Шрам вышел из машины и глянул вверх. Угловое окно на третьем этаже было не занавешено. Значит, Калистратов уже там. Шрам толкнул дверь с пузырящейся краской и вошел в темный вестибюль. За столом сидел дед-вахтер. Он читал журнал при ярком свете крохотной настольной лампы.

– Вы к кому? – привычно проскрипел дед, даже не отрывая глаз от страницы.

– В отдел распространения, – ответил Шрам и, не глядя на деда, прошел к лестнице.

Он поднялся на третий этаж, дошел до конца длинного коридора, без стука открыл обитую дерматином дверь с номером «9».

За письменным столом сидел Калистратов. Перед ним стоял навывтяжку плотный приземистый господин в сером костюме. Господин обернулся на вошедшего.

Калистратов хмуро кивнул Шраму и обратился к господину в сером костюме:

– Ладно, Васильич, ты пока иди, мы тут потолкуем, обсудим ситуацию, я тебя после вызову. Свяжись с Москвой – узнай, нет ли чего нового оттуда.

Васильич, весь красный как рак, не отрывая от пола глаз, прошмыгнул мимо Шрама в дверь.

– Присаживайся, Саша, – пригласил Калистратов. – Ты понял, что я тебя вызвал по срочному делу?

– Просто так не стали бы, понятно.

– Так вот. У нас проблема, – Калистратов помотал головой, точно его внезапно пронзила сильная боль в шейном позвонке, и поправился: – У меня проблема. Мне вчера сообщили, что Варяг убит в зоне.

У Шрама как-то разом пересохло во рту. Он сухим языком облизнул губы.

– Как, убит?

– Как-как... Кверху каком. Этот мудака-высочка, начальник лагеря, недоглядел... Словом, в лагере начался бунт. Не знаю уж, что там случилось, но зеки забузили. Начальник лагеря вызвал ОМОН, внутренние войска с бронетехникой. Началась стрельба. Варяга уложил снайпер.

– Зачем? – Шрам от волнения даже вскочил со стула.

– Как я понимаю, начальник колонии в штаны наложил и решил избавить себя от возможных хлопот с Варягом. В любом случае кум, этот сукин сын, спасал свою шкуру, а меня подставил. Ну да ладно, это мои проблемы – мне их и решать. Я тебя не за тем позвал. Что бы там ни было, наш план продолжает работать. Хотя было бы намного лучше и вернее, если бы это случилось месяцев на четыре-пять позднее. Но ты, парень, можешь праздновать победу. Для тебя теперь дорога открыта. Я уже доложил наверх о смерти Варяга. Через день-два весть разойдется по России. Но пусть твоя братва узнает об этом не от тебя, а из «Московского комсомольца» или через зоны. Когда всем станет известно, что Варяга нет, на очередном сходе будут выбирать нового смотрящего по России, – Калистратов улыбнулся и добавил, напирая на каждое слово: – Надеюсь, у тебя есть подходящая кандидатура?

Шрам не смог сдержать улыбки. У него бешено колотилось сердце.

– Имеется.

– Так вот, дальше. Это наша с тобой последняя встреча. Здесь. Сегодня я возвращаюсь в Москву. Там мне предстоит очень непростой разговор. За смерть Варяга меня по головке не погладят. А ты действуй. С тобой я свяжусь сам. Через Грунта. Сюда больше не приезжай – я

явку временно снимаю: не нравятся мне кое-какие моменты. Этот мужик, которого ты только что видел, мой личный агент. Работает в «Облкниге», но к МВД никакого отношения не имеет – я его когда то из-под серьезной статьи вывел, вот он мне иногда и помогает по старой дружбе. Но на прошлой неделе он вляпался в одну историю и привел сюда непрошенных гостей. Так что адрес этот пока забудь. Ну прощай, Александр Алексеевич. Удачи тебе, – Калистратов горько усмехнулся: – И ты мне удачи пожелай.

Шрам вдруг почувствовал невероятное облегчение – точно гора с плеч упала. Вот это пруха! Мало того что Варяг гикнулся, дак еще, и Калистратов сматывает удочки. Теперь у него, у Шрама, развязаны руки. «Папа» Санкт-петербургский, хозяин Северо-Западного региона, имеет все основания захватить власть над всероссийским общаком... Шрам пожелал генералу «ни пуха ни пера» и вышел из кабинета. Он шел по темному коридору точно во сне. Он не помнил, как спустился по лестнице, как вышел мимо старика вахтера на улицу, как сел в свой черный «джип».

Мысли путались. Он ощущал такую радость, какая никогда еще не посещала его закаленную в воровских боях душу. Разве только он так же радовался в день своего освобождения из пермского лагеря, когда вместе с лагерными воротами перед ним распахнулись ворота в новую, «правильную» для молодого законного вора жизнь...

ГЛАВА 6

Мать твою! Ну надо же – Варяга хлопнули! Варяга – всеильного и властного смотрящего – втоптали-таки в лагерную пыль... Осуществилась, видать, чья-то заветная мечта. Вот уж правильно говорится: гора с плеч!

Только выйдя на улицу после разговора с Калистратовым, Шрам стал осознавать смысл услышанного. Его сердце бешено колотилось. Сев за руль, он резко повернул ключ зажигания, врубил передачу и, особо не разбирая дороги, рванул свой «джип» в поток мчащихся мимо автомашин.

Шрам явно был обескуражен полученной информацией. И даже будучи человеком весьма хладнокровным, он никак не мог прийти в себя и переварить услышанное. Чтобы окончательно не «закипеть», Сашка попытался переключиться на другую тему и заставил себя думать о неотложных делах. Дел было, как всегда, по горло. Требовалось срочно послать на Выборгскую таможню нового человека на замену внезапно переведенному в Карелию Давыдову. Потом предстояла долгая и нервная разборка с пограничниками на эстонской границе, которые уже неделю мурыжили трейлеры с очень ценным грузом, придравшись к неправильно оформленным накладным, – ясно, что выбивали взятку, суки! И еще надо как-то приструнить Пыжова, одного из ближайших помощников губернатора области – мужик вдруг заартачился и не стал подписывать разрешение на землеотвод под коттеджное строительство в Гатчине, потребовал себе изрядную долю... Дубина, так ведь и без головы недолго остаться... Однажды его люди уже чуть было не открутили этому мудаку башку... Сашка пытался вспомнить, как это случилось, но его мысли все равно вертелись вокруг Варяга. Ведь и он, Шрам, тоже приложил руку к его гибели. Никто иной, как Шрам, по «тонкому намеку» генерала Калистратова, организовал прошлой зимой убийство доверенных людей Варяга – Ангела, Пузыря, Графа, а попутно еще целый ряд близких Варягу людей. Никто иной, как Шрам, провернул головокружительную операцию по похищению семьи Варяга в Америке и их переброске в Россию. При этом выстрелом в голову убили ближайшего помощника Варяга по делам в Америке. Кажется, кличка у него была не то Седой, не то Сивый. Да, да – Сивый. Тогда же зимой Шрам мог бы и самого смотрящего пришить – дали бы добро. Но добро не дали, а жаль, руки сильно чесались. Варяг им, видите ли, нужен был для каких-то шибко тайных гешефтов, в которых смерть не была предусмотрена...

Да впрочем, может быть, они и правы: ведь Варяг до последнего момента оставался единственным хранителем всероссийского воровского общака. Только он знал, где хранятся общие деньги, куда они вложены, как их при необходимости вынуть из дела, кто за какой кусок отвечает. Кроме Варяга, только Ангел и этот самый покойник Сивый имели доступ к общаковской кассе. Но Ангел и Сивый были убиты. Убит был и Граф, который хранил документацию на воровскую собственность.

Получалось так, что тогда без Варяга эти денежки можно было потерять безвозвратно. Попробуй потом их снова заработай. И тут у Шрама в голове промелькнула страшная догадка: «Может, кто-то смог прояснить местонахождение общака и Варяг стал не нужен? Но тогда кто эти люди? И кому достанутся воровские бабки?»

– Ах, козлы вонючие! Суки! Дебилы! – прохрипел Сашка, резко вывернув руль влево, и по встречной полосе на огромной скорости обогнал старенький «Жигуленок», движущийся в крайнем левом ряду по перегруженному транспортом Василеостровскому проспекту. – Разъездились тут каракатицы ржавые! Совки! Твари! Придурки сраные!

Сашка был возбужден невероятно. Его нога непроизвольно давила на газ, и «джип», как взбешенный конь, рвал с места, визжал всеми четырьмя колесами, пугал прохожих, несясь с запредельной скоростью по вечернему Питеру, заставляя и встречный, и попутный транспорт

шарахаться в стороны. Только выехав на Невский, Шрам сумел взять себя в руки, сбавил скорость и стал сосредоточенно думать о том, как ему лучше разыграть карту с выборами нового смотрящего. Денежки могли уплыть, но тогда как можно быстрее нужно решать вопрос, кому достанется воровская власть, корона смотрящего. Хорошо бы сход собрать осенью – где-нибудь в сентябре – октябре. Но пока неизвестно, как карты лягут: с одной стороны, тянуть нельзя, а с другой – поторопишься и суетой все дело испортишь, воры – народ подозрительный, осторожный, проницательный.

Притормозив на светофоре, он достал сигарету, прикурил ее от прикуривателя и глубоко, жадно затянулся.

Организацией сходов Шрам занимался не раз и знал многие тонкости этого непростого события. Тут главное все продумать до мелочей, ничего не упустить, взвесить все «за» и «против», переговорить с нужными людьми, попить водочки с заинтересованными лицами, будущими участниками схода. И к тому же столь «знаменательное событие» лучше всего обставить как прием по случаю, скажем, юбилея или свадьбы крупного авторитета. Нужно очень точно, грамотно выбрать место. Времена, когда воровские сходы российских законных проводились в Европе, кажется, прошли. Полиция европейских городов последнее время стала относиться к крупным сборищам русских с особой настороженностью – газетная шумиха, поднявшаяся на Западе по поводу «русской мафии», сделала свое дело. На Западе сейчас уже не разгуляешься. Теперь любое появление в Брюсселе или Вене команды более чем из трех-четырех человек русских, а тем более на «мерседесах», «бэ-эм-вэшках», вызывало просто панический страх у местных обывателей, автоматически ставило местных легавых на уши – все небезосновательно ждали какого-нибудь очередного подвоха от «новых русских». Поэтому, думал Шрам, сходняк надо на этот раз делать где-то в России, в хорошо проверенном месте – скажем, в Большом Сочи, в каком-нибудь тихом курортном поселочке, где есть приличная гостиница или пансионат. Снять заведение с потрохами, на корню, дать хозяину бабки в зубы, чтоб закрыл его и повесил на дверь табличку «спецобслуживание» – как когда-то в добрые «совковые» времена. Мало кто мог тогда предположить, что привычное для всесоюзных здравниц «спецобслуживание» означало не прием иностранных туристов и не съезд мелиораторов, а очередной воровской сходняк... Вот и теперь можно было вернуться к старому опыту «нарушителей советской социалистической законности». С организацией схода более-менее понятно.

Беспокоило же Шрама, скорей, другое – как воспримут люди известие о смерти Варяга. Ладно свои, питерские. Эти за него встанут горой. Как поведут себя московские, Шрам не знал, но надеялся, что его поддержат. Братва в обеих столицах в последнее время старалась не конфликтовать, улаживать дела полюбовно, «консенсусом», как выражался, царствие ему небесное. Стреляный. Нижегородские и казанские всегда старались сделать все по-своему. Они считали, что Москва и Питер далеко и у себя на территориях они «княжат», ни у кого ничего не спрашивая; курские, ставропольские, краснодарские шли за ними. Забайкальцы и дальневосточные вообще в последние годы вели себя отвязанно. Скатились к беспределу полному. Но этих и не слушали особо. Главное, как выскажутся сибиряки и уральцы. С ними возникнет проблема. Хотя именно то, что Варяг сгинул в северной зоне, давало Шраму лишний козырь – всегда можно было свалить это убийство на недогляд местных авторитетов, которые не сумели спасти смотрящего. На этом можно было сыграть. Но только осторожно, тонко. Главное тут было не перегнуть палку – потому что, как только зайдет речь о недогляде, уральские сразу же вспомнят, что взяли-то Варяга в Питере... А разборки, отчего да почему Варяг подсел в Питере, ему были совершенно не нужны. Пока вроде никто не догадывался о том, что Варяга ментам сдал именно он, Шрам. Быки, участвовавшие в той операции, погибли. Пузыря не стало. Варяга убили. Теперь свидетелей нет. Один Калистратов?...

Размышляя над всем этим. Шрам подъехал к Пионерской площади и припарковал «джип» рядом с синим «бэ-эм-вэ», из которой тотчас выскочил Грунт. Шрам пересел за руль

«бэ-эм-вэшки» и передал Грунту ключи от своего «чероки». Ни слова не говоря, он дернул с места. На душе у него было беспокойно. Теперь он не знал, радоваться ему или печалиться. Казалось бы, Варяга нет...

Но почему-то по коже ползли предательские мурашки... Да, дела...

* * *

Шрам отключил сотовый, еще когда направлялся на Васильевский остров. Теперь он хотел связаться с Монею и выяснить, как прошла операция. Но механический женский голос вежливо сообщил, что абонент временно недоступен. Шрам удивился: Моня никогда не отключал свой мобильник в рабочее время.

– Ну да х...р с ним и с этим е...м Варягом! Потом разберемся. А сейчас нужно отвлечься, как следует встряхнуться, снять усталость. – Шрам вспомнил про Ирку и, повеселев, направил «бэ-эм-вуху» к ее дому на Литейном.

Через двадцать минут он был у ее квартиры. Позвонил условным звонком, но ему никто не открыл. Шрам отпер замок своим ключом и вошел.

Сразу двинул на кухню, к холодильнику. Достал с верхней полки холодную бутылочку пива «Хайнекен» и открыл, привычно сдернув крышечку толстым золотым кольцом с рубином. Этому трюку он научился еще пацаненком в школе. Однажды он увидел, как его тогдашний кумир, второгодник и пофигист пятнадцатилетний Генка Мякиш, откупоривает «Жигулевское», поддевая зазубренный край крышки стальным кольцом, которое носил на среднем пальце...

С тех пор утекло много воды. И пива. И крови. Теперь, двадцать лет спустя, его называли уважительно: либо Александром Алексеевичем, либо господином Степановым. Либо совсем просто – Шрам. Но такое обращение могли себе позволить только свои. Те, кто знал, что, едва окончив десятилетку, он стал одним из самых отчаянных и крутых бандитских вожakov северной столицы, участвовал в десятках разборок и в одной из них его полоснули пером по щеке, оставив навсегда несмываемый след боевой доблести, за что и получил он свою грозную кликуху. А после первой отсидки Шрам заделался авторитетом Выборга, перестал беспрдельничать и, как всем казалось, стал жить по понятиям. Он упорно везде и всюду распространялся о том, что сила воровского сообщества России – в единстве, жестко пресекал любые поползновения к раздорам в своем хозяйстве, сам безжалостно отстреливал непокорных и упрямых, заводя их в лес и там кончая на глазах у притихшей братвы, но притом неизменно готов был выступать посредником на мирных переговорах по урегулированию междоусобиц, вспыхивавших между региональными группировками.

Постепенно влияние Сашки Степанова стало распространяться не только на его родной Санкт-Петербург, но и далеко за его пределами, и за ним даже стала закрепляться почетная кликуха Папа, хотя он предпочитал старую, привычную – Шрам...

Он жадно высосал «Хайнекен» до дна, аккуратно поставил пустую бутылку на стол и пошел в спальню. Так и есть – Ирка тихо спала, разметавшись по широченной кровати. Любила девка поспать – ничего не скажешь. Поспать и потрахаться. Потрахаться и поспать. Она, кажется, никогда не застилала постель, чтобы иметь возможность в любой момент юркнуть под одеяло и соснуть часок-другой... или отжаться – по полной программе.

Ночная рубашка на тонюсеньких бретельках сбилась книзу, обнажив белую и пухлую, как калач, грудь. Шрам сел на край кровати и протянул руку к молочной коже. В постели с Иркой Шрам больше всего любил ласкать ее груди. Он обожал их упругую округлость и наливную тяжесть. За два года его пальцы уже давно привыкли к каждому изгибу и каждой впадинке, каждой родинке на Иркиных дивных сиськах. Они приводили его в неистовство. Когда он познакомился с ней как-то пару лет назад на пляже в Ларнаке, то его сразу поразили

именно колоссальные буфера стройной смазливой девчонки, которая загорала лежа на спине, и ее узенький лифчик едва не лопался под напором юной плоти. Девчонка оказалась питерская. В Питере Шрам нашел Ирку, сводил ее пару раз в кабак, потом снял ей квартиру на Лиговке и стал у нее частенько ночевать...

– Может, ты для начала пожелаешь мне доброго утра, Сашок? – промурлыкала Ирка, схватив его за руку. – Доставь мне приятность!

Шрам поморщился.

– А я же тебя просил: не говори так. Терпеть не могу этого дурацкого словечка. К тому же уже давно не утро, а вечер. Сейчас я тебя накажу... – Он сорвал с нее ночную рубашку, сам быстро разделся и, опустившись на кровать, стал жарко сжимать обеими руками упруго стоящие груди, а потом присосался к правому соску, сильно втянув его в рот, так что девица даже ойкнула. Он уткнулся носом в ложбину между грудями и стал водить там кончиком языка вниз и вверх.

– Здорово! – прошептала, задохнувшись, Ирка. – Как же это здорово у тебя получается! Ой, еще хочь, Сашок. Давай-ка распали меня как следует!

Шрам почувствовал, как ее тело затрепетало в его объятиях и стало непроизвольно подниматься и опускаться. То был верный знак того, что еще немного – и она будет готова к «официальному приему».

– Зубками, зубками! – подстегивала его Ирка. Но Шрам оторвался от ее грудей, разжал объятия и сильно раздвинул ей ноги. Потом, опустив голову, вдвинул ее между Иркиных ляжек и впился губами в клитор. Он сосал сладковатый отросточек, истекая слюной. На губах и языке он ощущал клейкую влагу. Из горячего Иркиного жерла извергались липкие соки. Он убыстрил движения, и теперь его язык, точно юркий поршень, сновал взад-вперед по скользкому набухшему лазу.

– Так слишком быстро, – прошептала Ирка. – Помедленнее! А то кончу в момент, Сашок, ты же знаешь, мне нравится, когда ты выходишь совсем и потом входишь снова...

И чем дольше он насасывал ее клитор, тем сильнее извивалось над ним ее тело. Ирка вся дрожала в такт его движениям и едва слышно шептала:

– Сашка, Сашенька, что ты со мной делаешь? Это просто невыносимо! Это чудо! Теперь не замедляй! Сейчас кончу, вот сейчас уже! А-а-а!...

Через минуту Шрам перевернул ее на живот – он знал, что Ирка любит, когда он делал ей «ягодичный массаж». Иркин зад был похож на две пухлые щечки, крепкие и упругие. Шрам припал к этим нежным «щечкам» языком и стал их медленно-медленно лизать, присасываясь к коже, точно улитка к ветке.

– Кусай! – требовательно простонала Ирка, уткнув лицо в подушку.

Шрам начал слегка покусывать ее зад, постепенно перемещаясь вниз, к ляжке. В этот момент Ирка приподняла таз и призывно раздвинула ягодички руками. Сашка увидел темную пещерку ануса, с готовностью втиснул голову между белыми «щечками» и дотянулся языком до воронки, поросшей жесткими курчавыми волосками. Он лизнул воронку раз, другой. И точно вспомнив что-то, нащупал пальцем правой руки разверстое пылающее влагалище, омытое горячим соком страсти. Он засунул палец поглубже и стал вращать им, слегка согнув крючком. Он боялся причинить подруге случайную боль, но в то же время понимал, что она на седьмом небе от счастья. Иркино тело опять начало мелко вибрировать. Дрожь усиливалась, и скоро она стала рывками, прогибаясь всем телом, извиваться на сбитой постели.

– Не останавливайся! – кричала Ирка охрипшим голосом. – Умоляю, только не останавливайся! Осталось еще чуть-чуть! Ну-ну!

И вдруг она замерла, резко выгнув спину назад. Ее пальцы с длинными ногтями впились в простыню и стали царапать ткань, грозя разорвать ее. Ирка громко застонала, потом ее стон перешел в высокий отчаянный крик – она завизжала так истошно, что Шрам даже испугался –

не поранил ли он ей там чего. Ирка рухнула всем телом на простыню и забилась в конвульсиях мощного оргазма.

Шрам быстро перевернул Ирку на спину. Она лежала неподвижно, закинув руки за голову, и на ее губах блуждала довольная улыбка. Он встал над ней, как собака, отставив зад, и, помогая себе рукой, направил член по нужному маршруту. Проникнув в раскаленное жерло, упругий толстый шомпол несколько раз проехался взад-вперед, и Сашку захлестнула бурная волна запоздалого оргазма. Причем в самый последний момент он слишком сильно дернулся назад – член выскользнул из влагища, фонтан спермы ударил в воздух, и горячая липкая клекса растеклась по Иркиной ляжке. Она расхохоталась.

– Здорово, Сашенька! Ох, как здорово!

– Это точно. И вот теперь самое время сказать: добрый вечер! – осклабился Шрам, одним прыжком спрыгнув с кровати на пол.

– Ты уже уходишь?

– Да нет, я только пришел. – И вдруг он снова вспомнил про Моню и про то, что так ему и не дозвонился. – погоди, сейчас один звоночек сделаю – и вернусь.

Он подошел к аппарату на столе у окна и набрал номер.

– Моня не звонил? – спросил он без приветствия. – Что??? – Шрам перешел на крик, так что Ирка даже подскочила в кровати. – Это точно? Ну, е...ный в рот, я этих мудаков раком поставлю! Появится Моня – скажи, чтоб брал ноги в руки и рвал в «Прибалтийскую». Я буду там допоздна. И еще скажи этому мудохвосту, чтобы писал завещание, урод!

Он глухо матерился сквозь зубы, натягивая штаны и рубашку.

– Денег оставишь? – капризно спросила Ирка как ни в чем не бывало, лежа обнаженная на кровати. Шрам свирепо посмотрел на нее и зло ответил:

– А не захлебнешься, милая? Вчера косарик дал, позавчера – два. У тебя расходы, блин, как у принцессы Дианы.

– Принцесса Диана погибла, а я живая еще! – капризно скривив губки, возразила Ирка. – Хочу новую куртку кожаную купить. В «Гостином» вчера Ольга видала – немецкие. Фирма «Кайзер». Клевейшие!

Шрам уже застегнул брюки. Нравилась ему эта девица, не мог Сашка отказать ей в тысячке-другой вонючих долларов. Он нашарил в заднем кармане пухлый бумажник и вынул пачку зеленых сотен. Отсчитал десять, положил на стол и криво улыбнулся Ирке.

– Вот тебе папа Франклин в десяти лицах. Но больше не проси – хватит тебе.

– Спасибо, Папик! – отозвалась Ирка и завернулась в одеяло. – Дуй к своим бритоголовым. Я, пожалуй, еще немножко посплю.

Шрам пулей вылетел из квартиры и, не дождавшись лифта, побежал вниз по лестнице. Вот сучка, думал он об Ирке, просто маленькая пиявка какая-то! Ну-да ладно, Ирка хоть девка и жадная, но надежная. Не из болтливых, неглупая. Надо ее при себе держать. И на сходняк с собой прихватить не мешало бы. В случае чего ее можно нужному человечку в койку сунуть – живой взяткой! Полный кайф, особенно накануне решающего голосования. А там, глядишь, нужный человек и сам проголосует как требуется и еще десяток голосов притянет за собой...

Шрам выскочил на улицу. Если он правильно понял Калистратова, то пресс-служба МВД уже дала в прессу утечку информации о гибели Варяга – и завтра-послезавтра в газетах появятся сенсационные статьи...

И тут Шрам вспомнил о Варяговой семье – о Светлане и мальчишке, которые вот уже полгода как сидели под замком у него на даче. С ними-то что делать? Калистратов ничего не сказал, хотя ведь помнит, собака, что по его указке их из Калифорнии вывозили, ховали. Раньше нужны были. Куда же их теперь? В расход? Ведь после гибели Варяга всякая нужда в них отпала. Надо было их раньше шлепнуть, когда эта сучка побег устроила. Одной проблемой было бы меньше.

Ладно, об этом после. Сейчас надо разобраться с Моней. Столько трупов!... Атас! Почему прокололся Моня?... Подстава? Или случайность? Все одно к одному сегодня, целый букет...

ГЛАВА 7

День был ясный. Над городом высоко в небе сияло майское солнце. Отсюда, с крыши, отлично просматривалась вся улица – от площади Вашингтона до стеклянной коробки универмага «Вулворт». В общей сложности километра полтора, по-ихнему миля. Сержант осторожно перевернулся на левый бок.

Он лежал на шершавых стальных листах, спрятавшись за колоссальными стеклянными буквами световой рекламы, уже целый час, поджидая «клиента». Его «клиент» – Пит Смайли, крупный наркоторговец из Филадельфии, который наезжал в Калифорнию раз в месяц и нагло ломал бизнес здешним барыгам, – должен был встретиться со своим связником ровно в час дня в угловом ресторанчике неподалеку от площади Вашингтона. Ресторанчик назывался «У Долли». На витрине была намалевана сама Долли – улыбающаяся грудастая девка с рыжими всклокоченными волосами.

В последнее время Сержант – Степан Юрьев, профессионал-снайпер с двадцатилетним стажем, повоевавший, кажется, на всех широтах и меридианах, – практически отошел от дел. Когда-то Сержант, эмигрировавший из Советского Союза, инструктировал снайперские спецгруппы в Латинской Америке, Африке, Западной Европе и сам частенько выполнял особо ответственные задания по ликвидации. Его высочайшее мастерство принесло Сержанту, в определенных кругах, уважение и немалые деньги, но в последние несколько лет эта бесконечная жизнь, как говорится, на нелегальном положении ему вконец опротивела. И даже солидный номерной счет в небольшом цюрихском банке не доставлял ему былого удовлетворения. Сержант имел все, о чем можно было только мечтать бывшему советскому милиционеру: он мог запросто поехать в любую страну мира, мог купить любую клевую тачку, трахнуть любую приглянувшуюся ему телку...

Но ему все это наскучило, надоело. Его стала раздражать сама мысль, что за ним по всему миру ведется неусыпная слежка и его рано или поздно обязательно выследят. В последние два-три года ему пришлось буквально залечь на дно – слишком плотно наследил он в Европе, где ему приходилось дырять лбы мэрам, сенаторам, банкирам, прокурорам. Они все были, конечно, суки порядочные, продажные твари, мразь, но какая разница. Европейскому правосудию на это было наплевать. И за Сержантом велась самая настоящая охота...

В конце концов Интерпол объявил его в международный розыск. Но интерполовцев Сержант не боялся. Он вообще никого не боялся, потому что все, чем располагали эти горе-охотники, – старые фотографии, на которых он предстал в образе плотного светловолосого, с большой залысиной, мужчины лет сорока; а мужчина этот уже давно привык легко менять свою внешность, одежду, походку и паспорт.

Осев пару лет назад в Лос-Анджелесе, он, как всегда, когда менял местожительство, был вынужден обрубить все старые связи и завязать новые, обратившись к одному старому корешу, который, не задавая лишних вопросов, «зафрахтовал» его в калифорнийскую мафию вольным стрелком. Итальяшки платили ему неплохо – и он не жаловался. Но время от времени его охватывала такая тоска, что хоть в петлю...

Он вздохнул и потрогал лежащий рядом карабин с оптическим прицелом. Этот карабин ему достался в прошлом году. Как раз перед катавасией с Варягом. Поощадив в тот раз российского смотрящего и дав ему уйти от его мстительной пули. Сержант тем не менее не простил его. Он не мог забыть, как по случайности ли или по Варягову злему умыслу угрохал собственного брата, обознавшись в сумерках...

Но в глубине души Сержант с большим почтением относился к Варягу, он, кажется, даже уважал его: волевой, настойчивый, умный, отчаянный мужик. Вылез, можно сказать, из грязи в князи, и не по благу, а самостоятельно, помогая себе зубами и когтями лезть вверх. Он нередко

сравнивал себя и Варяга – и не мог не видеть существенной разницы между ними: он, великий бесстрашный Сержант, который мог сшибить муху влет, вынужден мочить каких-то мерзавцев из-за угла, а Варяг решает тысячи проблем, управляет десятками предприятий, командует бесчисленной армией блатных, при этом преспокойно разгуливает по всему свету с гордо поднятой головой, и ему море по колено!...

Вот и сейчас Сержант валяется на этой гребаной крыше, прячась за исполинской надписью «CINZANO», а Варяг... Интересно, где-то он нынче? Куда запропастился? Весной в какой-то газетенке Сержант читал, что Варяга выпустили из сан-францисской тюрьмы и сдали российским ментам, но в Москве его след потерялся...

Внизу по улице изредка проносились автомобили. Пешеходов – раз-два и обчелся. Улица тихая, на самой окраине делового района, да и время еще не пришло: народ высыпет из офисов на обеденный перерыв примерно в полпервого, а к часу дня вся улица будет запружена суевливыми клерками, которым надо успеть за сорок минут запихнуть в себя пару гамбургеров и запить их отвратительным американским кофе. Ровно в час дня на углу перед входом в ресторанчик «У Долли» ему предстоит выудить из толпы парня в синем блейзере и белых слаксах, в руках у парня будет серый дипломат «Самсонайт». Темный шатен в очках. Под носом дурацкие усики а-ля фюрер. Сержант в который уже раз глянул на фотографию, лежащую под левым локтем. Он презрительно скривил губы. Потом нежно провел ладонью по длинному холодному стволу карабина. Нашупал цилиндр оптического прицела. Ну вот, малыш, подумал Сержант, снова нам с тобой предстоит грязная работа. Снова мы с тобой отправим на тот свет очередного грешника. А сами мы с тобой не грешники разве?

Он посмотрел на часы. Двадцать пять минут первого. Время еще есть. Он огляделся по сторонам. Крыша десятиэтажного жилого дома, на котором он лежал, возвышалась над соседними стоящими перед ним пяти- и шестиэтажками. Видно, построили его не так давно вместе с несколькими такими же домами, связанными между собой единой крышей и переходами.

Лежу тут прямо как Ли Харви Освальд в ожидании президентского кортежа, подумал с усмешкой Сержант. Во, блин, дожил – снайпер-профессионал международного класса, сто сорок два задания, сто сорок два жмурика, практически все с одного выстрела. Как опытный турист разжигает костер под дождем с одной спички, так и Сержант одним выстрелом с двухсот – трехсот метров «снял» мэров и министров, крупных банкиров и торговцев, политических и религиозных лидеров. И вот докатился – теперь барыг – торговцев наркотой шелкаю, едрена мать!

Внизу улица стала заметно оживляться. Заспешили мужчины и женщины в темных деловых костюмах, с папками под мышкой, с кейсами в руках. Начинался обеденный перерыв. У входа в «Долли» вырос долговязый хмырь в яркой ковбойской рубашке. Сержант подобрался. Что-то рановато, подумал он тревожно. Неужели они изменили время встречи. Он схватил карабин, передернул затвор и ошупью проверил навинченный на конец ствола глушитель. Только без паники, приказал он себе. Лег на живот и, вскинув карабин, прижал приклад к плечу. Локти привычно уперлись в стальные листы крыши, плечи расслабились, правый глаз прильнул к окуляру.

Крестик прицела заплесал на мгновенно приблизившейся пышной груди рыжей девки, изображенной на витрине. Сержант плавно перевел прицел левее – на хмыря в ковбойке. Поймав его лицо. Сержант хмыкнул. Так и есть – Билли Шорт, который работает на местных мексиканских барыг. Именно Билли Шорт навел Сержанта на своих мексиканских боссов, конкретно на Пита Смайли. Билли торговал с мексикашками в обход итальянских ребят. Это продолжалось уже месяца четыре, и итальянцы решили наказать своих конкурентов, нарушивших договоренности и вторгшихся не на свою территорию. Вернее, итальянцы решили пока ограничиться предупреждением и ухлопать одного лишь Пита Смайли. Кому нужен Пит Смайли?! Тем более чужак, с Востока. Итальяшки хоть и чувствовали себя тут хозяевами, с мексикан-

цами разборку по-серьезному учинять пока не хотели. Хотели решить проблему по-мирному. Тем более что у мексиканских парней в Калифорнии издавна имелся свой интерес – контрабанда живым товаром, рабочими-нелегалами из Латинской Америки. И чего это их понесло в наркобизнес? Хотя понятно: жадность, извечная человеческая жадность, зависть, желание зашибить большие бабки. Наркота – всегда большие бабки. Особенно когда налажены каналы доставки и сбыта, да и местные легавые подмазаны. Тогда все идет как по маслу. Примерно как у нас в России. Сержант невесело усмехнулся. Да, Россия-матушка, что-то там сейчас творится, что поделывается?

Он вспомнил, как пару месяцев назад наткнулся в «Лос-Анджелес тайме» на статью о российской мафии.

Статья, как и все, что писалось о России в американской прессе, была туфтовая, но его внимание привлек там один любопытный абзац, где говорилось, что зимой будто бы в России прокатилась волна загадочных убийств и исчезновений законных воров. И что будто бы эти события являлись частью коварного плана властей по уничтожению верхушки русского криминального айсберга.

О Варяге, впрочем, в той статье не было ни слова, но автор репортажа вспомнил о странном освобождении из калифорнийской тюрьмы перед самым Новым годом русского бизнесмена Игнатковича (так было, видимо ошибочно, написано в этой сраной газетенке!). Умник-репортер делал предположение, что «мистер Игнаткович» на самом деле был тесно связан с криминальным миром...

Вдруг Сержант заметил, что ситуация перед рестораном на углу улицы изменилась. Рядом с Билли Шортом в прицеле появился второй. Усики под Гитлера, светло-каштановые волосы. Синий блейзер, в руках «Самсонайт». «Клиент» прибыл! Сержант машинально глянул на часы. Двенадцать сорок пять. На четверть часа раньше встретились, суки...

Сержант слотнул слюну. Сейчас они зайдут в ресторан, сядут за столик у огромного, во всю стену окна. Вот тогда-то... Сержант почувствовал, как заколотилось сердце. Мандраж, ну надо же! Черт, старею, что ли. Он осторожно перевел ствол карабина правее. Крестик прицела заплескал на лицах вновь прибывших посетителей «У Долли». Вот они! Билли и гость из Филадельфии продефилировали мимо стойки бара. Подошли к свободному столику, сели друг против друга. Пит Смайли положил «дипломат» на столик перед Билли. Стали разговаривать. Сержант сильнее прижал глаз к окуляру, точно надеялся разобрать по губам, о чем там беседуют...

Вдруг за спиной он услышал легкий шум. Послышались шаги. Один-два-три. Стоп. По спине Сержанта пробежал холодок. Он замер, лихорадочно соображая, кто это мог быть. Неужели его накрыли? Неужели за ним следили от самого автовокзала с утра? Он прибыл сюда из Лос-Анджелеса в восемь. Неужели не заметил хвоста. У автовокзала хвоста не было – он проверил. Потом он поехал в центр позавтракать. Зашел в «Макдональдс». Хвоста не было. Вышел из «Макдональдса»... Все было чисто.

Все эти мысли заняли считанные секунды. Сержант лежал не оборачиваясь. Он незаметно сунул левую руку за пазуху, нащупал под мышкой рукоятку «смит-энд-вессона» 38-го калибра. Тихонько взвел курок. Глушитель? Да, глушитель, как обычно, на месте. Он всегда работал только с глушителями. Теперь главное внезапность. А если он пришел не один, если их двое, трое? Если они рассыпались по этой долбаной крыше? Тогда каюк тебе, приятель, горестно подумал Сержант.

– Эй, мистер, ты чего тут лежишь? – Уже после того, как Сержант резко обернулся, одновременно выхватив из подмышечной кобуры «смит-энд-вессон», уже после того, как сухо, словно раздавленная ореховая скорлупа, шелкнули два выстрела, до его слуха донесся этот детский голос. Светловолосый мальчик лет десяти с удивленно-испуганным личиком беззвучно

рухнул на стальные листы крыши. Он упал ничком, и из-под его серой курточки сразу же расплзлось темно-бурое пятно.

Сержант обомлел. Он быстро метнул взгляд вправо и влево. Никого. Взгляд уперся в откинутую дверь на чердак. Так и есть – мальчишка попал сюда совершенно случайно. Бродил по чердаку, увидел, что дверь на крышу не заперта, и вылез на воздух. Сержант даже застонал от нахлынувшего ужаса. Что же я наделал? Как же это?

Сержант знал, что мальчик мертв. Он ведь никогда не промахивался. Особенно в минуту опасности, когда на волоске висит его жизнь и раздумывать некогда – вот как сейчас, как минуту назад – в такие мгновения он собирался в комок и стрелял без промаха. Убивал наверняка. Что же я наделал! Ему захотелось вскочить, подбежать к мальчику, перевернуть на спину, заглянуть в глаза, потрясти за плечико, позвать...

Но времени у него не было. Время бежало неумолимо, его еще ждала работа. Он с трудом оторвал взгляд от мертвого мальчика и прильнул к оптическому прицелу. Билли сидел перед раскрытым «Самсонайтом» и перебирал лежащие в нем желтые конверты. Сержант знал, что в этих конвертах. Он сдвинул прицел на лицо Пита Смайли и прижал согнутый указательный палец к спусковому крючку. Крестик прицела замер на левом виске «клиента». Сержант затаил дыхание и нежно оттянул спусковой крючок назад. Хлопнул выстрел. Приклад резко ткнул его в плечо. Прицел дернулся вверх. Сержант тут же чуть опустил ствол и всмотрелся в окуляр.

В оконном стекле появилось круглое отверстие, от которого лучиками разбежались тонкие трещинки. Голова Пита Смайли лежала на столике. Из аккуратной дырочки в левом виске сочилась кровь. Контрольный выстрел не понадобится. Сидевший напротив убитого Билли вскочил на ноги – лицо его перекосилось от ужаса. Он ринулся к выходу, не забыв подхватить «Самсонайт» с товаром. В ресторане началась суматоха. Посетители валом повалили на улицу, толкаясь и опрокидывая друг друга.

И только тут Сержант позволил себе вспомнить о втором – вернее, первом – трупе, лежащем у него за спиной. Он привстал на четвереньки, развернулся и приблизился к мальчику. Тронул его за руку. Ладонка была холодная. Потом по привычке приложил палец к артерии на шее. Пульса не было.

Глупыш маленький, ну какого хрена тебя сюда занесло в неурочный час! На улице тебе мало забав было? Сержант вернулся к карабину, нашел стреляную гильзу и положил ее себе в карман. Потом бегом, на полусогнутых, стараясь не светить спиной из-за стеклянных букв рекламной надписи, рванул по крыше к дальнему переходу на соседний дом...

Междугородний автобус мягко бежал по шоссе, выбеленному океанскими ветрами и миллионами автопокрышек. Сержант сидел у окна и хмуро глядел на мелькающие мимо поселки, автозаправочные станции, придорожные рестораны. Он думал об оставшемся лежать на крыше мальчике. На душе было муторно. Никогда еще после удачно выполненного задания ему не было так хреново. Сердце не грело даже мысль о том, что в следующий понедельник он получит двадцать пять тысяч «зеленых», на карманные расходы...

Из головы не шел лежащий ничком на стальных листах мальчонка в серой курточке. И кровь... кровь, бурым озерцом расплзающаяся вокруг трупа. Этот мальчик оказался непредвиденной неожиданностью, вторгшейся в тщательно разработанный план операции. Этот мальчик не имел никакого касательства ни к Билли Шорту, ни к Питу Смайли, ни к итальянским наркоторговцам, ни к их мексиканским конкурентам. Этот мальчик был сам по себе. И его убил он, Сержант. По ошибке. По воле слепого случая. И Сержант, может быть впервые в жизни, ощутил себя убийцей...

Автобус легко покрывал милю за милей, приближаясь к Лос-Анджелесу. Скоро далеко на горизонте, в мареве, подернутом багрянцем закатного солнца, показались первые небоскребы. Если бы Сержант был верующим, он бы постарался замолить свой грех. Поставил бы свечку в русском православном храме – не поленился бы, сгонял в Сан-Франциско. Он бы каждый вечер

бил земные поклоны суроволикому Николаю Угоднику – он помнил, что такая икона была у его бабки Шуры в Угличе, у которой он в далеком детстве проводил летние каникулы. Если бы... Но Сержант не верил в Бога. И в черта он не верил. Он всегда верил лишь в свою удачу, в свои здоровенные кулаки да зоркие глаза. И никогда не спотыкался. А теперь вот споткнулся. Да так, что изведаль неведомую до сих пор страшную непроходящую боль в душе. А может, и впрямь старею? – подумал он горестно. Может, пришла пора завязывать?

Его мысли внезапно вернулись к Варягу. Он вспомнил, как полгода назад стоял на Скалистом пляже за валуном, поджидая Владислава, чтобы исполнить давно уже вынесенный ему приговор. И как дрогнуло что-то в его душе, и как отвел он руку с винтовкой и прострелил башку старому, мерзкому, подлому итальяшке Монтиссори... Пожалел старинного кореша, проглотив давнюю обиду и жажду мести. Нет, видать, подлая жизнь не дотла выжгла душу Степана Юрьева. Что-то человеческое в ней еще оставалось, теплилось. Вот и теперь, нещадно коря себя за смерть невинного мальчика. Сержант понимал, что дошел в этой проклятой жизни до точки.

Надо было что-то делать. Надо что-то менять.

Сержант выскочил из автобуса в душный лос-анджелесский вечер. Он крепко сжимал в руке чемоданчик, где таился разобранный карабин. Взять бы этот чертов чемодан да и зашвырнуть в первый попавшийся мусорный бак. Но ведь от этого легче не станет. Сержант махнул проезжающему мимо такси. Машина остановилась. Он молча залез на заднее сиденье и, назвав район, уставился в окно, про себя отчаянно матерясь.

– Из наших, что ли? Из эмигрантов? – неожиданно по-русски спросил таксист. Сержант удивленно вскинулся.

– Это что же, у меня на физиономии написано? – Злобно бросил он.

– Да нет, в глазах, – улыбнулся таксист. – Во взгляде. У наших, советских, особенный взгляд.

– И какой же? – поинтересовался Сержант, рассматривая регистрационную карточку водителя. Эндрю Шевченко. Андрей, что ли, Шевченко.

– Какой? Виноватый. У наших здесь всегда взгляд виноватый.

– Да? И почему же?

– А хрен его знает. Такое впечатление, что русские здесь оказались не по делу. Потому и боятся, что их в любой момент вытурят. Вот и виноватятся. Ты сам-то небось по гостевой визе въехал – да и связался с какой-нибудь брайтонской американской евреечкой с «зеленой картой». Пообвыкся, расписался с ней, а потом, когда все устаканилось, смылся сюда. Вот отчего у тебя взгляд виноватый. Ну что, угадал?

Сержант хмыкнул.

– Почти. Только я связался с хохлушкой. – Таксист захохотал.

– В мой огород камушек, земляк! А я тебе так скажу: мы, хохлы, тут лучше приживаемся, чем русские. Почти у каждого, кто сюда рвет с Украины, родственники найдутся в Канаде. Так они помогают. А русские тут чужие. То есть настоящие русские – а не представители многонационального советского народа, которых в Америке называют «русскими». Русским тут делать нечего. И бульбашам тут не жизнь. Разве что за самую грязную работу браться. Вот армяне да грузины – те себя находят!

– А у тебя что ж, работа чистая? – разозлился Сержант. – Ты что, працуюешь за баранкой с большой радости?

Таксист снова весело рассмеялся.

– А что. Я в Харькове пять лет в такси, и тут сразу получил работу по специальности. – Таксист обернулся. – А сам-то работу имеешь? В России чем занимался? Давно тут?

Сержант ответил не сразу. Его снова одолели мрачные мысли. Скажи он этому говоруну, что в эмигрантах ходит уже лет двадцать – тот не поверит. Да и с чего ему верить? Сержанту

уже доводилось слышать, что хоть он в Америке давно «свой», все равно что-то неуловимо российское, если не сказать советское, в нем все равно угадывалось. Не вышиблось. Закостенело.

– Так, случайными деньгами перебиваюсь... Мелкий ремонт помещений. Года три уж.

Машина резко затормозила, взвизгнули шины.

– Приехали! – Эндрю Шевченко высунул голову из окна и пробежал взглядом по фасаду дома. – Я только не пойму, неужели на мелком ремонте помещений можно себе дом купить в таком шикарном квартале?

Сержант молча протянул таксисту две двадцатки.

– А если еще малярить да слесарить, можно и в Голливуде хату отстроить. Учись, студент!

Он махнул отъехавшему Эндрю Шевченко. Ишь ты, сучонок, по взгляду меня вычислил. Что же во взгляде появилось такое виноватое? Он зашагал к своему дому, до которого предусмотрительно не доехал на такси метров восемьсот: мало ли что...

ГЛАВА 8

Интересно, Лидка дома или опять шляется где-то? – подумал Сержант, нажимая на звонок входной двери. Через пару минут далеко за дверью послышалось шарканье. Дома красotka, удовлетворенно подумал Сержант.

Лидка открыла дверь и пропустила своего не вполне законного мужа внутрь дома.

– Ну что, Леша, все хорошо? – пропела она. Лидка знала его как Алексея Пирогова.

– Я же дома, значит, все отлично, детка, – бросил Сержант. Он быстро прошел по коридору к себе в комнату, открыл стенной шкаф и поставил чемодан в дальний угол. Лидка зашла за ним следом.

– Хочешь принять душ?

– Хорошо бы.

– Сейчас приготовлю выпить. Тебе как всегда?

– Как всегда. И побольше льда.

Сержант стал раздеваться. Он стянул джинсы, скинул рубаху. Португеею с подмышечной кобурой тихо убрал в нижний ящик комода и запер ящик на ключик. Оставшись в одних трусах, подошел к зеркалу. Ну и видок. Животик уже наметился, складки по бокам. В это мгновение он ненавидел свое тело. Во что я превратился, кем я стал? Мне сорок шесть лет. А чего я добился? Ну, деньги, ну, дом в престижном квартале. Ну, баба есть. А дальше что? Зачем все это? Зачем я здесь – в этой чужой, непонятной, мерзкой стране? Прав был Эндрю Шевченко, сука! Глаза виноватые – потому что живу хрен знает как, точно уркаган в бегах... Тут он снова вспомнил Варяга. Владислав даже если сидит сейчас – то хоть знает, за что. А я что тут делаю?

Из зеркала на него печально смотрели его глаза. Виноватые, во всем виноватые глаза...

Вошла Лидка с широким, толстого стекла стаканом в руке. В стакане весело бултыхался виски. На поверхности коричневой жидкости звякали кубики льда. Сержант взял стакан и жадно припал к краю губами. Высосал почти половину.

– Ты пьешь виски как водку, – насмешливо заметила Лидка. – Не отвык?

– Не привык, – поправил ее Сержант. Он отдал Лидке стакан и двинулся к ванной.

– Никто не звонил?

– Звонил дядя Арик из Нью-Йорка. У них там какой-то хипеш. На бензоколонках.

– Что, сломался их гешефт? Взял их дядя Сэм за жопу?

– Не знаю, – Лидка поджала губы. – А твой-то гешефт не сломался? Что-то, я смотрю, на тебе лица нет. Случилось чего?

Сержант резко обернулся.

– Слушай, детка, не лезь, а? Надо будет, скажу. Все у меня нормалек.

– Ну так ладно, ладно, – насмешливо протянула Лидка с нарочитым одесским акцентом. Она так делала всегда, когда хотела подколоть Лешку.

Сержант повернулся к ней спиной, снял трусы и залез в ванну. Ванна была треугольной формы с новомодными итальянскими прибабасами – электродвижком для джакузи, направленным душем и водным массажем. И этой ванне было классно трахаться. Сержант включил душ. Когда он повернулся к Лидке лицом, она тут же перевела взгляд вниз. Улыбка тронула ее полные влажные губы.

– Все на месте, – сказала она, игриво подняв левую бровь.

Сержант впервые за вечер улыбнулся. Он заметил, что Лидка смотрит на него глазами оголодавшего ребенка. Черт, не виделись всего сутки, а она уже хочет – горит вся. Нет, точно говорят: одесские – самые е...учие телки на свете. Сколько их ни трахай, им все мало. А Лидка – телка высший класс. Тело у нее – зае...ись. Жопа, бедра, буфера... Да и личиком вышла.

Кожа гладкая, а глазищи какие – угольки! Он почувствовал, как под животом у него пробежал огонек, дернулся член.

Лидка тут же отозвалась:

– Просыпается Змей Горыныч! – Она передала Сержанту стакан виски. – Глотни, сладкий мой. Раскочегарь свой локомотив!

Только торопиться не надо, подумал Сержант. Главное не торопиться, растянуть удовольствие. Он смыл с себя дневной пот и заткнул сливное отверстие. Надо наполнить ванну водой.

– Хочешь устроить групповое купание в бассейне? – догадалась Лидка.

– Какая ты у меня проникательная! – снова улыбнулся Сержант. На душе у него вдруг стало совсем легко. Он отогнал неприятные болезненные мысли и, предвкушая головокружительный секс со своей любвеобильной подругой, сел на дно ванны. Его бравый «Змей Горыныч» уже стоял торчком, гордо неся налитую красную голову.

Ванна быстро наполнилась почти до самых краев.

Сержант завернул краны и включил джакузи на малый ход. Под водой забурили воздушные потоки. Сержант блаженно откинулся на стенку и вытянул ноги. Лидка стояла над ним и улыбалась.

– Да поставь ты этот стакан, Лидка! – приказал Сержант. – И давай ко мне!

Ее не надо было просить дважды. Она скинула халат, под которым ничего не было. Сержант как замороженный смотрел на ее тело, которое знал уже давно наизусть. Упругая белая кожа, красивые изгибы широких бедер и тонкой, в буквальном смысле осиной, талии, полупшария высоких белых грудей, туго сведенных вместе, длинная шея... Он перевел взгляд ниже и впился в треугольник черных курчавых волос в паху. Там, за этим леском, таилось ее главное сокровище – манящий, горячий тайник, бездна, неиссякаемый источник сладострастия... Сержант протянул к ней руки. Лидка царственно подняла белую стройную ногу и шагнула в воду. Потом перебросила вторую ногу и села, обвив его тело руками. Он прильнул губами к ее грудям, жарко всосавшись в мягкую кожу. Потом захватил коричневый сосок и стал облизывать его кончиком языка. Он знал, что это ее сильно возбуждает. Ее руки скользнули под воду, пальцы нащупали его «Змея Горыныча» и стали проводить по его толстому стволу вверх-вниз.

– Возьми в рот! – тихо попросил Сержант.

– Не все сразу! – прошептала она лукаво. – Я сначала тебя помучаю.

Лидка встала во весь рост и широко расставила ноги, так что ее промежность оказалась вблизи его губ. Он ощутил, как жесткие курчавые волосы защекотали ему кончик носа. Сержант поднял руку и погрузил пальцы в разверзшуюся горячую щель. Лидка застонала. Он притянул ее к себе. Вокруг них бурлила, клокотала прохладная водяная магма «джакузи» и возбуждала обоих еще сильнее. Женщина, закрыв глаза, нашла под водой его восставший член и опустилась на него, рукой направив себе в раскаленные страстью недра, – точно на кол села. Сержант стиснул зубы от охватившей его сладостной похоти. Лидка начала осторожно подниматься и опускаться, держась за края ванны. Сколько это продолжалось, он не помнил – может, минут пять, может, полчаса.

– Давай, милая, еще, насыдь на меня! – хрипло шептал Сержант. – Выдои меня, доярушка, до капли!

Он частенько называл ее «доярушкой» за то, что она доводила его до полного изнеможения, выжимала из него все соки – в прямом и переносном смысле. Вот и сейчас он изверг в нее струю спермы, потом еще раз и еще раз. Все тело сжала приятная, томительная, тягучая боль.

– Ох, елки, хорошо-то как, – проскрежетал Сержант сквозь крепко сжатые зубы.

– Как всегда? – томным шепотом спросила Лидка, прикоснувшись полными влажными губами к его уху.

– Как никогда, доярушка, – ответил Сержант. Он потянулся к стоящему на краю ванны стакану, подцепил его двумя пальцами и, быстро поднеся ко рту, одним глотком осушил. После

секса спиртное подействовало острее. Лидка осторожно приподнялась над водой и выскользнула на пол.

– Отдыхай, труженик, – чуть насмешливо сказала она и, накинув халат на влажное тело, двинулась к двери. Выходя, она обернулась и бросила через плечо:

– Есть будешь?

Сержант кивнул. Оставшись один, он снова помрачнел. Вырубил джакузи и включил водный массаж. Струи воды начали медленно и нежно полоскать его тело. Он оглядел себя. Надо бы пресс подкачать – обмяк. Да и бицепсы одрябли. Что-то ты на американских сытных харчах сдавать начал, братец.

Он полежал немного в приятной теплой воде, потом вылез, растерся махровой простыней и вышел в гостиную. Под креслом у камина он увидел ворох давно не читанных газет. Сел в кресло, взял одну наугад – оказалась русскоязычная «Панорама», которую издавал какой-то лос-анджелесский еврей-эмигрант. Он лениво пролистал первые страницы, нашел раздел новостей из России, заскользил взглядом по колонкам. Вдруг знакомое имя приковало его внимание: «Владислав Игнатов». То, что он прочитал, нимало его удивило:

«Москва. По сообщению радиостанции „Свобода“, со ссылкой на источники, близкие к МВД России, пропал известный российский бизнесмен Владислав Игнатов, арестованный в конце прошлого года в Сан-Франциско по обвинению в убийстве. Предъявленное ему тогда обвинение доказать не удалось, и Игнатов был выдворен из США в Россию. Едва прибыв в московский аэропорт „Шереметьево“, Игнатов был задержан милицией, но бежал, убив двух милиционеров. Затем его след затерялся. Высказывается предположение, что Игнатов был тесно связан с криминальными кругами как в Соединенных Штатах, так и в России. Пресс-служба МВД России отказалась комментировать исчезновение Игнатова».

Сержант так и ахнул, швырнув газету на пол. Если это не деза, если Варяга и впрямь арестовали в аэропорту и он вынужден был бежать да еще и наследить – это дурной знак. Очень дурной знак. Ясно, что в России делается что-то несусветное, коли законного вора, да что там законного – смотрящего по России – так запросто решились упечь за решетку. Выходит, у ментов насчет Варяга сложилась какая-то своя сволочная задумка. А может, не только против Варяга...

И тут он вспомнил о странной гибели французского самолета, на котором вроде летела российская делегация в Европу. Сержант задумался о загадочном совпадении авиакатастрофы с калифорнийским делом Варяга. Вернее, с тем, что самолет взорвался в воздухе akurat в тот самый день, когда Варяга под конвоем выпустили из тюрьмы и вывезли в Москву. Из американской тюрьмы так за здорово живешь не выпускают. Уж коли попал в нее – да еще русский с сомнительной репутацией – изволь сидеть-посиживать, пока следствие вкупе с прокурорами будет разбираться. А тут не прошло и двух недель, как господина Игнатова «за недостаточностью улик» отпустили на все четыре стороны. К тому же его освобождение совпало с еще одним странным происшествием – самоубийством окружного прокурора, который вроде как лепил Варягу дело. Вот это да! У Сержанта вдруг словно пелена с глаз упала, и он быстро связал все события последних нескольких месяцев.

Итак, Варяга взяли по обвинению в убийстве Монтиссори. Монтиссори – крупнейший мафиози на Западном побережье США. Вряд ли в ФБР так уж сильно убивались по поводу его безвременной кончины. Варягу стали шить дело явно по чьей-то наводке. Из очень высоких сфер. Хотя, спрашивается, какое дело ФБР до русского бизнесмена, у которого в Штатах вполне легальная компания, который платит налоги, тихо-мирно живет с семьей в собственном доме? Он же, в самом деле, не бензин водой разбавляет, как Лидкины одесские родственнички в Нью-Йорке. Так, ладно. Теперь его вдруг выпускают. Тоже удивительное дело – то засадили непонятно за что, то вдруг выпускают. Кончает с собой прокурор, который его, можно сказать, и засадил. Очень интересно. В тот же день, когда Варяг отправляется в Москву, потерпел

катастрофу самолет, вылетевший сразу за московским рейсом. Может, хотели взорвать самолет с Варягом, да лопухнулись? Варяга – Игнатова в последний раз видели в «Шереметьево» – в газетах были фотографии, – а потом он сгинул. Как не было человека. И вот на тебе – обнаружился. Двух ментов угрохал. Смех да и только! На хер Варягу лезть на ментов – мало у него верных киллеров, что ли? И тут Сержанта точно кольнуло: он ведь и сам когда-то был Варяговым стрелком...

Сержант был так поражен прочитанным, что опять схватил «Панораму» и еще раз пробежал глазами заметку. Ой, что-то тут нечисто! Бред какой-то. Хотя... Сержант вскочил и нервно заходил по комнате. Нет, не бред.

Даже здесь, в Лос-Анджелесе, находясь в тысячах километров от России, он внимательно следил за происходящими «там» делами. Над ним даже Лидка посмеивалась: ей этот его интерес к России был непонятен. Сама она, прибывшая шесть лет назад на Брайтон-Бич с мамой-папой-братьями-племянниками, давно уже забыла родную Одессу. И ее родственнички, оборотистые одесские умники, тоже вроде бы не особенно тосковали по родине. Сержант умом понимал, что она права: в самом деле, чего уж там – Россия далеко, он тут пустил корни, вон дом приобрел – хоть и куплен в рассрочку на двадцать лет, но все равно – своя недвижимость, тут по этому признаку людей уважают, за своих считают. Есть «риэл истейт» – значит, настоящий американец, нет – значит, пока что перекасти-поле без роду без племени.

Но душой Сержант был по-прежнему «там» – в России. Он завидовал корешам, которые запросто могли взять за тысячу баксов билет Нью-Йорк – Москва – Нью-Йорк, смотаться в белокаменную на недельку-другую, кутнуть по кабакам, благо их там, говорят, море развелось, потрахать любвеобильных московских телок, попить родную водяру, даже побалагурить с ментами – и те ведь тоже родные, не то что здешние, мать их в душу, «сфинксы». С этими не побалагуришь – глаза стеклянные, рожа каменная. Чуть что – «ваши права» и – руки за спину заламывают... Сержант подошел к окну и выглянул на улицу. Да, Степан Юрьев! А тебе в Россию путь заказан – слишком много крови на тебе да соплей всяких шлейф. Менты не поймут – так братва найдет. Все припомнят тебе, Степушка.

Сержант вздохнул. Да, вроде недавно был там, а опять тянет. Без малого год назад побывал. Со своей верной спутницей – снайперской винтовочкой. А что, неплохо бы туда снова рвануть. Заодно, может, и про Варяга что узнаю. Узнаю, что там вообще творится, что за шухер с законными учинили товарищи в лампах... Да вот только как? По американскому паспорту въезжать никак нельзя – после его прошлогодних походов в Питере. Наверняка засекут въезд. Можно только по красному. Придется опять новый выправлять, все старые засвечены.

Он почувствовал возбуждение. Он и не подозревал, насколько сильно захватит его эта дикая, дурацкая, опасная затея – поездка в Россию. Москва, Санкт-Петербург и так далее, со всеми остановками. Сержант поднялся и решительно прошел в коридор к телефону. Сняв трубку, он набрал знакомый номер, по которому вот уже полгода регулярно звонил раз в неделю. На другом конце провода раздался знакомый механический голос автоответчика: «Это, к сожалению, не совсем я, но вы можете оставить свое сообщение...»

– Малыш, а это я, Алекс! – по-английски произнес Сержант, не обращая внимания на автоответчик. – Сними трубку, надо поговорить!

Механический голос оборвался на полуслове.

– Привет, Алекс! Как успехи? Хотя зачем я спрашиваю – у тебя не бывает сбоев. Клиент остался доволен?

– Клиент остался очень доволен, – глухо произнес Сержант. – Но у меня возникла непредвиденная проблема.

– Какая? – с тревогой поинтересовался «Малыш».

– Сегодня в новостях услышишь. К нам это не имеет отношения. Это моя проблема. Слушай, ты можешь... – Сержант запнулся, раздумывая, как бы закодировать свой вопрос,

потому что он не доверял телефонам и никогда не говорил открытым текстом самые важные вещи. – Ты можешь свой подарок, который ты для меня приготовил, передать мне завтра же и не дожидаться моего дня рождения?

На линии повисла тишина. Видно, его собеседник что-то соображал.

– Ну, это, конечно, неожиданная просьба. Я-то рассчитывал вручить тебе подарочек как раз в памятную дату – через неделю. Ну да ладно, по старой дружбе не буду тебя долго томить. Ты, наверное, об этом давно мечтал, дружище. Уверен, тебе понравится. А почему такая спешка? Ты, никак, собрался уехать отдохнуть?

– Догадался, Малыш, – ответил Сержант. – Хочу на недельку сгонять в... Лас-Вегас. – Это было первое, что ему пришло в голову.

– В Лас-Вегас? Но ты же не азартный, ты же не играешь. На хрена тебе Лас-Вегас? Телок пощупать – так для этого незачем ехать в такую даль. Выходи вечерком на Голливудский бульвар – и щупай всех подряд!

– Ну, не знаю, – Сержант решил не спорить с тем, кого он назвал «Малышом». – Я еще не решил. Может быть, в Сан-Диего. Не знаю.

– Ладно, завтра увидимся. Захвати с собой большой мешок – подарок громоздкий!

Повесив трубку, Сержант задумался. Так, теперь новый «серпастый и молоткастый» паспорт. Чистый. Не чеченский фальшак, а выданный честь по чести каким-нибудь воронежским УВД. Егерь должен помочь. Егерь всегда делал ему паспорта. Может, попросить его на этот раз выправить на какого-нибудь Михаила Самуиловича Кацнельсона... Хотя нет, рожа не та: русак типичный. Сержант усмехнулся.

Он прошел в кухню. Лидка стояла у плиты и что-то жарила. Наверное, вырезку с грибами, как всегда. Она не обернулась. Заметив, что круглые часы на стене показывают ровно восемь. Сержант включил радиоприемник. Передавали новости. «Сегодня в ресторане в Санта-Барбаре около часу дня убит некий Питер Смайли, коммивояжер из Филадельфии. По словам местной полиции, выстрел был произведен из армейской винтовки с крыши соседнего десятиэтажного здания. Очевидно, стрелял снайпер-профессионал. На крыше также найден труп одиннадцатилетнего Виктора Волкова, единственного сына недавних эмигрантов из России, проживавших в том же доме. Мальчик был убит наповал выстрелом из револьвера 38-го калибра. Вероятно, он оказался случайным свидетелем убийства Питера Смайли. Скорее всего, в него стрелял напарник снайпера. Никаких иных следов на месте преступления полиция не обнаружила».

Лидка резко выключила радио и всплеснула руками.

– Ну какие же гады, какие гады паршивые! За что нашего мальчишку русского убили? Представляешь, сами, сволочи американские, свои грязные делишки обделывают, друг дружку подкарауливают, подстреливают. Ну и черт ними. Но детишек-то за что? Да еще нашего... Каково его матери, а! Ух, нашла бы этого гада – зенки бы ему выпарапала... – Она с удивлением посмотрела на него. – Что с тобой, Лешечка?

– А что? – пробурчал он.

– Глаза какие-то...

– Какие?

– Как у загнанного зверя... – Сержант сглотнул слюну.

– Да ну тебя...

Больше не сказав ни слова, Сержант вышел в коридор и посмотрел в настенное зеркало. Долго изучал свои глаза. Ему вспомнился хохол-таксист, сказавший обидные слова про «виноватый взгляд». Сержант мотнул головой. Врешь, хохол, никакой не виноватый взгляд. Взгляд загнанного зверя. В этом все и дело...

Засиделся ты в Штатах, Сержант, на грязной работе. И пришла пора действовать!

ГЛАВА 9

Охранник грубо, с силой толкнул Светлану в спину, так что она, влетев в комнату, чуть не упала. Громко лязгнул задвигаемый засов.

– И чтоб сидела тихо, тварь! – рявкнул из-за двери раздраженный голос охранника. – Теперь в сортир пойдешь только вечером, поняла? И не зови больше! Достала!

Она уже привыкла к подобной грубости и не испытывала, как раньше, острого чувства унижения. Единственное, что постоянно мучило ее в эти последние дни, опасение за Олежку. После неудавшегося побега у нее отняли без всяких разговоров сына, перевели в отдельную комнату, и она постоянно терзалась страхом за него...

Светлана часто возвращалась мыслями в тот черный для нее день прошлого месяца. Боже мой, думала она, как же глупо все тогда получилось. Какая же я была дура! Ведь спасение было так близко! По собственной глупости все испортила!

Еще с зимы Светлана вынашивала мысль о побеге. Хотя и понимала, что в таких условиях побег – чистой воды безумие. Дверь в их комнате была дубовая, с прочным засовом снаружи. Когда ее выводили в туалет, она всегда внимательно украдкой осматривала засов – мощный стальной рельс! Единственное окно снаружи закрывалось массивными ставнями, а изнутри прочной стальной решеткой. Отсюда просто так не убежишь. Вырваться можно разве что хитростью. И она в конце концов придумала как.

...В то утро с дачи неожиданно сняли охрану. Вернее, сняли двоих парней и оставили одного. Опять приехал тот, со шрамом во все лицо. Она его рассмотрела сквозь щель в ставне. Он походил по двору, даже в дом не зашел, потом переговорил с охранниками, забрал с собой двоих, сел и уехал. В доме остался один Павел: она поняла это по его характерным мягким, как у кошки, шагам.

За долгие недели сидения под арестом Светлана до мелочей изучила повадки всех, кто находился на территории огромной загородной дачи, и прежде всего охраны. Батон – этот всегда гулко топал, громко разговаривал, шепелявил. Второй, Родик, каждое утро занимался на улице зарядкой, кажется, поднимал какие-то тяжести, потом обливался холодной водой из шланга. А третий, Павел, был из всех, похоже, самый приличный. Она даже иногда через дверь заводила с ним беседы – беседы ни о чем. Ей просто хотелось поговорить хоть с кем-то. Не все же общаться с пятилетним сынишкой. От нехватки общения можно было сойти с ума... Ей как раз и требовалось, чтобы в доме остался один Павел. Этого увальня она смогла бы провести.

В тот день все случилось именно так, как она хотела. Черный «джип» увез двоих охранников. Остался Павел. Через час она постучала в дверь и сказала, что сын захотел в туалет. Павел открыл замок и отодвинул засов. Когда он вошел в комнату, Светлана выскочила из-за двери и изо всех сил ударила его по голове деревянным мольбертом. Парень от неожиданности закрыл лицо руками, и тут она нанесла ему второй удар – по затылку. Павел упал без сознания.

Светлана схватила сына за руку. У мальчика от ужаса были широко раскрыты глаза, но он молчал, заранее предупрежденный матерью. Они побежали по коридору мимо двери в туалет на веранду. Там она осмотрелась – никого. Правда, во дворе находилась здоровенная овчарка, но собака уже привыкла к постояльцам и давно их не облаивала... Светлана несколько раз, под охраной, гуляла по двору и надеялась, что собака признает ее и Олежку... Сейчас овчарка мирно лежала у будки. При виде женщины и мальчика она лишь подняла голову. Делая вид, что не обращает никакого внимания на сторожевого пса, стараясь вести себя естественно, без суесть, чтобы, не дай Бог, не передать собаке своего нервного возбуждения, Светлана двинулась к воротам.

Теперь ей надо преодолеть всего лишь тридцать метров. Там за спасительной калиткой, которую она тщательно осматривала во время последней прогулки, за забором в лесу шла грун-

товая, хорошо укатанная дорога. Судя по тому, что по этой дороге сюда приезжали люди на дорогих машинах, дорога вела на автостраду, возможно, где-то совсем рядом находился хоть какой-то населенный пункт. Только бы добраться до этого населенного пункта...

Она замерла на мгновение. Все тихо. С бешено бьющимся сердцем, заставляя себя идти как можно медленнее, Светлана прошла через двор к закрытым воротам.

Оказавшись у калитки, она также с преувеличенным спокойствием, не глядя на оставшуюся за спиной собаку, отодвинула щеколду и тихонько толкнула калитку. Калитка мягко поддавалась. Светлана крепко сжала руку сына и выскользнула наружу. Закрыв за собой калитку, она просунула руку сквозь тонкие планки, исхитрилась закрыть щеколду изнутри, и беглецы скрылись в лесу. Там, подхватив сына на руки, она побежала по густой мокрой траве. Сквозь листву деревьев слева виднелась грунтовая дорога, которая была пока ее единственным ориентиром.

Сердце колотилось так, что едва не вырывалось из груди. Ей не верилось, что они свободны. Хотя нет – какое там свободны, пропасть неизвестности. Сколько им предстоит еще пройти по лесному бездорожью, по оврагам и болотам, она даже представить себе не могла.

Светлана бежала, стараясь не упускать из виду дорогу. Она несла сына на закорках, потому что он быстро устал и захныкал. Через полчаса справа вдалеке послышался перестук колес поезда. Железная дорога. Местонахождение дачи ей было неизвестно, но она понимала, что это где-то под Петербургом. Вот только в какой стороне? Если они доберутся до железной дороги, можно по путям дойти до станции, сесть на электричку – а там...

Светлана опустила глаза и с тоской посмотрела на свои ноги; обувь явно была не приспособлена для прогулок по болотистой, лесной, плохо проходимой местности. Но выбора не оставалось, и она снова тронулась в путь.

Вдруг Светлана споткнулась и кубарем покатилась в овраг. Мальчик упал на землю и громко заплакал. Поднявшись, она тщетно пыталась его успокоить, закрывая ему рот ладонью.

Голеностоп у мальчика на глазах посинел и распух. Неужели вывих? Только этого еще не хватало.

– Болит сильно? – шепотом спросила она сына. С глазами, полными слез, мальчик молча кивнул,

– Потерпи, милый, надо потерпеть, – умоляла она малыша. – Еще немного – и мы будем свободны.

Она снова подхватила сына на руки и, держа его перед собой, понесла. Тяжелый! Метров через триста она уже сильно запыхалась. Надо бы переложить ношу на спину – так будет легче. Но Олежка с вывихом ножки теперь не мог держаться за ее бока, как раньше. Вот беда...

Вдруг ей послышались голоса. Голоса доносились со стороны грунтовки. Вообразив себе, что это какие-то местные жители, она резко рванула на дорогу, но как только выскочила на проезжую часть, сердце ее упало.

Посреди дороги стоял синий «бэ-эм-вэ» с распахнутыми дверцами. У машины копошились трое – два охранника дачи и еще один, незнакомый. Мужчины тотчас увидели женщину с ребенком на руках и бросились к ней. Она, как испуганное животное, метнулась в лес, перескочила через овраг, устремилась в заросли дикого крыжовника, но ее уже настигли, схватили за руки, вырвали Олежку... Мальчик закричал, отбиваясь ручками и ножками, плача от боли. Силы были неравны.

Ее быстро скрутили и, заткнув рот тряпкой, поволокли к машине...

Вечером приехал человек со шрамом и о чем-то долго говорил с Павлом. О чем, она не слышала, но разговор шел на повышенных тонах. Павла увезли, и с тех пор он в доме больше не появлялся. Вместо него приехал тощий хмурый парень. А их с Олежкой перевели на «строгий режим», как выразился Батон. Ее оставили в той же комнате, а вот Олежку забрали и посадили в соседнюю. И как она ни умоляла своих мучителей оставить ей сына, все было напрасно. На

прогулки их больше не выпускали, в туалет выводили строго по часам: ее утром и вечером в сопровождении двух охранников, Олежку – отдельно от нее, тоже под присмотром охранников.

Батон тогда пригрозил ей:

– Еще выкинешь фортель, сука, я твоему мальцу башку отверну и тебе под дверь подброшу, ясно? Шеф дал указание: чуть что – мочить. Буду стрелять на поражение! Учти.

Впрочем, Светлана не поверила ему. Она не сомневалась, что она нужна Шраму живой. Ей давно стало ясно, что похитили их из-за Владислава. И что держат их тут тоже из-за него. Неясно только зачем, с какой целью. Скорее всего, для какого-то торга, который мог состояться между ее похитителями и... неужели Владиком? Но, зная мужа, она понимала, что Владислав никогда ни с кем не станет торговаться. Утешала Светлану прежде всего мысль о том, что Владик жив: раз их здесь держат, значит, он жив.

Но где же он сейчас, она даже и предположить не могла. Последний раз они виделись полгода назад в Америке, когда после инцидента с Монтиссори за ним пришла полиция...

Она много раз за эти томительные месяцы прокручивала в памяти тот страшный вечер, последний вечер в мирном тихом Дейли-Сити, пригороде Сан-Франциско, пытаясь восстановить всю картину загадочных и страшных событий и понять, что же за ними скрывалось.

Сын не знал, что пану арестовали и посадили в тюрьму. Она не осмелилась ему сказать. Наверное, еще надеялась, что ошибка быстро вскроется и Владика отпустят. У него и раньше были трения с американским законом. Однажды ему едва не запретили въезд в страну. В ФБР поступил сигнал из Москвы о том, что якобы бизнесмен Владислав Геннадьевич Игнатов задолжал российскому правительству колоссальную сумму налогов. Но это была явная провокация: Владик очень щепетильно относился к внешней благопристойности своего бизнеса и своей репутации. К тому же он не хотел по-глупому рисковать и подставлять себя под удар. Поэтому все финансовые документы у него всегда были в порядке, а налоги – разумеется, с той прибыли, которую его бухгалтерия показывала по документам, – платил исправно.

Она хорошо помнила, как утром в тот день в теленовостях сообщили о предстоящей российскому президенту сложной операции. Владик весь день ходил хмурый, несколько раз звонил кому-то в Вашингтон, потом в Москву. А когда она спросила, чем он так обеспокоен, муж уклончиво сказал про возможные осложнения с поставками. Хотя она поняла, что просто не хочет ей ничего объяснять. И буквально в тот же вечер его вызвали в ФБР и долго, почти до полуночи, выясняли его «налоговую историю». Вернувшись домой, Владик только и сказал, что на него стукнули из Москвы. Это было предупреждение. Недвусмысленное, коварное предупреждение – как пять апельсиновых косточек в рассказе Конан-Дойля. И как показали последующие события, предупреждение не пустое.

Когда Владика посадили в тюрьму Сан-Франциско, она продолжала жить так, как и раньше, точно ничего не произошло. Соседям она ничего не сказала. Исчезновение мужа объяснила его внезапной командировкой в Европу. А потом...

Светлана тот страшный вечер помнила так отчетливо, словно все произошло только вчера. Поужинав, она уложила Олежку спать, сама села смотреть телевизор. Потом неожиданно нагрянул Сивый, верный друг Владика, с букетом чудесных желтых тюльпанов и известием о том, что Владислава освободили и отправили в Москву. А через несколько минут он лежал с кровоточащей дырой в голове – она даже не услышала выстрела с улицы. Потом ее схватили, ударили по голове, и она провалилась в черную мглу... Потом ей в руку чуть повыше локтя впиалась игла, и по телу побежала расслабляющая теплая истома. Перед глазами все поплыло. Ее потащили на улицу. В последний миг, перед тем как сознание покинуло ее, она успела заметить, что оба фонаря на лужайке перед домом не горят.

Светлану подхватили под локти и поволокли. Очнулась она в каком-то доме. Там ее встретил мужчина лет сорока с очень знакомым, как ей показалось, лицом. Но в голове у нее мутилось, и она никак не могла припомнить, где видела его. Мужчина злобно взглянул на нее

и кивком головы приказал отодрать клейкую ленту с ее губ. Его слова, сказанные на чистом русском языке, прорезали гнетущую тишину, точно удар молотка.

– Если тебе дорога жизнь сына – молчи. И слушай. Завтра утром тебя повезут в аэропорт. Потом будет долгий перелет. Потом... ну, там сама все увидишь. Сын будет все время с нашими людьми. Если пикнешь – его убьют. Будешь молчать – останется жив.

Ей достало мужества – или безрассудства? – спросить:

– Куда вы меня везете?

– Далеко, крошка, – с усмешкой бросил мужчина. – На родину.

Потом был аэропорт. Светлана сделала все так, как ей приказали: молча прошла паспортный контроль, молча села в самолет. Уже в самолете она попыталась было обратиться к соседке через проход, узнать, куда та летит, но сидящие спереди и сзади сопровождающие грубо одернули ее и сразу пересадили к иллюминатору. Парень со спящим Олежкой сел рядом. И тут же она почувствовала, как сзади в спину впились уже знакомая игла и в считанные секунды опрокинула ее в сон.

Она смутно припоминала – или ей это только казалось, – что из Лос-Анджелеса они летели через Хельсинки в Москву, а уж из Москвы их перевезли в Питер... И вот уже несколько месяцев они с сыном были заложниками у человека со шрамом на лице.

Шрам... Некоторое время назад, снова и снова восстанавливая в голове всю последовательность страшных событий, она вдруг вспомнила, что в каком-то телефонном разговоре Владика, еще в Америке, она услышала так поразившее ее слово «шрам». Причем Владик произнес это слово так, словно речь шла не об увечье, а о фамилии. Фамилия. Немецкая? Австрийская? Американская? Русская? Или это... кличка. Шрам.

Светлана никогда не вникала в дела мужа. Собственно, так повелось издавна. Она знала о его бизнесе лишь то, что ей полагалось знать. Ни больше ни меньше. Конечно, она – не дура, понимала, что бизнес у Владика не совсем «чистый», но кто сегодня в России занимается «чистым» бизнесом? Кто может встать и сказать: я заработал свой капитал честным трудом, я никого не обманывал, чужих денег не присваивал, исправно платил все налоги... Владик любил повторять одну фразу: «Я для России все равно что дятел для леса». Как-то он признался, что впервые услышал эти слова от своего мудрого наставника Егора Сергеевича Нестеренко, академика, большой умницы. Она до конца не могла понять, что же имел в виду Владик. Но сердцем чуяла, что чего-то он все же не договаривал...

Послышалось урчание автомобильного двигателя. Светлана машинально выглянула в окованное тяжелой решеткой окно, забыв, что за стеклом через щелку виден был лишь возвышающийся зеленый забор. Подъездную аллею к дому и вход отсюда не видно. Интересно, кто приехал. Сюда приезжали редко. В основном только для того, чтобы подвезти продукты. Но продукты привезли вчера – она слышала разговор двух охранников за дверью – они как раз обменивались впечатлениями от свежего пива. Значит, это приехал хозяин? Шрам... Уж не его ли поминал Владислав в том телефонном разговоре?

Светлана прилегав на кровать и закрыла глаза.

Шрам был весел. Валерка-Хобот сразу понял, что у босса сегодня красный день календаря. Шрам, не глядя, скинул черный плащ. Валерка подхватил его и повесил на крючок. Шрам быстрым шагом прошел в гостиную...

– Ну что тут у нас творится – все тихо? – спросил он у Валерки.

– Да что тут может случиться? Тишь да гладь – божья благодать.

– Это хорошо. Где остальные? – Валерка нахмурился, изображая усиленную работу мозга.

– Боров спит после ночного дежурства. Леха с Сашкой во дворе, Митяй у ворот. Ты ж его видел, он тебе шлагбаум подымал.

– Ясно. Пойди всех собери. Разговор есть. Скоро, думаю, сниматься отсюда будем. – Валерка глупо улыбнулся.

– Совсем, что ль? Заложников сдавать будешь? – Губы Шрама разъехались в ухмылке.

– Сдавать ты будешь бутылки из-под пива. Заложников отпускают.

– Е-мое! Бабки, что ль, передали? – воскликнул Валерка.

Шрам только хмыкнул. Его бойцы знали, что молодая женщина с ребенком, которая содержалась на этой даче уже почти полгода, – это жена одного мурманского барыги, задолжавшего питерским крупную сумму, вот Шрам до возврата долга и взял его бабу с пацаном. О том, что «жену мурманского барыги» тайно переправили сюда аж из Западного полушария, никто из приближенных Шрама даже не догадывался.

– Передали, передали, – ответил Шрам самодовольно. – Сам приехал, в зубах принес. – Он помолчал. – Так что сегодня гульнем слегка, отметим событие. Собирай народ. Я кое-чего привез с собой. Столик накроем. И... – он бросил взгляд на большой, красного кирпича камин. – Огонь, что ли, разведи. Веселее будет.

Шрам пошел по коридору к комнате, где содержались его заложники. Он долго обдумывал, что сказать Варяговой бабе, но так ничего определенного и не придумал. Неужели прямо так взять и брякнуть новость? Или подготовить ее? Он вернулся в прихожую, вытащил из кармана плаща сложенную газету, развернул. Это был вчерашний номер «Московского комсомольца».

По верху первой полосы бежали жирные черные буквы: «УБИТ БАНДИТСКИЙ КАЗНАЧЕЙ». В центре полосы красовался портрет Варяга. Под портретом была подверстана статья в две колонки. Шрам остановился и уже в пятый, наверное, раз за день прочитал:

«По сообщению нашего источника в МВД, на прошлой неделе убит крупный криминальный авторитет по кличке Варяг. Варяг скрывался под личиной „российского бизнесмена“ Владислава Игнатова. Некоторое время проживал в США. Вернувшись в Россию в конце прошлого года, он попытался скрыться, во время побега из аэропорта „Шереметьево“ убил двух милиционеров. Зимой этого года был осужден и отбывал наказание в колонии строгого режима. Во время вспыхнувшего в колонии бунта он был застрелен шальной пулей. Возможно, Варяг пал жертвой от рук своих же „братанов“. Дело в том, что, по некоторым данным, в течение последних лет Варяг являлся „смотрящим“ по России. На бандитской фене это означает, что он контролировал воровскую казну, так называемый „общак“, куда стекались грязные деньги со всех концов страны. Смерть Варяга неизбежно приведет к новому переделу власти в криминальной России...»

Шрам опустил газету. Ему не понравился намек на то, что Варяга пристрелили свои же. Эта версия, подброшенная, ясное дело, ментурой, осложняла его положение. Теперь его конкуренты могут развить эту версию, нагромоздить горы домыслов и – обвинить его чуть ли не в организации убийства Варяга. И самое неприятное то, что народу известно: на самом деле Варяг не уезжал на Урал, а что взяли его здесь, в Питере, у Шрама под носом.

Он остановился перед дверью и отодвинул стальной засов. Открыл дверь, вошел. Женщина резко поднялась с кровати.

– Что? – спросила срывающимся голосом Светлана. Ей было ясно, что человек со шрамом сам пришел к ней неспроста.

– Вот, принес свежую газетку, – процедил Шрам. – Почитай последние новости.

С этими словами он протянул Светлане помятый «МК». Она взяла газету, не отводя глаз от Шрама. Потом медленно перевела взгляд на страницу. Перед ней заплясали черные буквы: «УБИТ». Взгляд скользнул вниз, на фотографию. Она приглушенно охнула, горло сдавило рыдание. Лицо Владислава. Но почему под его фотографией напечатаны такие странные слова: «воровская казна», «братаны», «общак»... Что это за бандитский жаргон? Какое отношение все это имеет к ее Владике? Владик – бандитский казначей? Что за чушь...

Она подняла полные слез глаза на вошедшего.

– Вы Шрам? – выдохнула она.

Мужчину перекосило. В глазах полыхнул злобный огонек.

– Я... – И он не нашелся, что ответить. Откуда эта сука его знает? Откуда? В голове у него вихрем понеслись мысли.

Значит, она его все-таки вычислила. Вычислила! Значит, теперь она его точно сдаст. Как пить дать. До этой самой секунды он еще не знал, что с ней делать. Даже подумывал отпустить ее на все четыре стороны – раз Варяга нет, на хрен она ему сдалась!

Но теперь ее придется убрать. И мальчишку тоже!...

– Это правда, что Владислав убит? – глядя прямо в глаза своему мучителю, спросила Светлана.

Шрам зачем-то потрогал побелевший след от ножа на щеке.

– Да. Его больше нет.

– Нас вы тоже убьете? – Она произнесла «тоже» с нажимом. Шрам вздрогнул. Он не мог смотреть этой бабе в глаза. Ему захотелось уйти.

Он развернулся и взялся рукой за дверной косяк.

– Там видно будет, – глухо сказал Шрам, вышел, закрыл дверь и задвинул засов.

Светлана, как неживая, села на кровать.

Убит... Владислав Игнатов убит. Варяг. Бандитский казначей. Теперь многое прояснилось. Все то страшное, что случилось с ним. И с ними. Какие ужасные слова. Но разве это так уже неожиданно – то, что она прочитала о нем в газете? То, что она узнала про Владислава? Нет. Ведь она же догадывалась. Давно догадывалась. Только гнала от себя эти мысли. Обманывала себя, старалась не думать, не задумываться. Неужели ей было непонятно, откуда у Владика так много денег и кто эти люди, которые ему звонили, приезжали, что-то привозили, тихо переговаривались на кухне за закрытыми дверями? Он не хотел посвящать ее в свои дела – не потому, что не доверял ей, а потому, что опасался за нее, за сына. Он берег их. Боже, как страшно. Страшно не то, что она наконец узнала о нем правду. Страшно то, что его больше нет. Что он убит. В каком-то далеком лагере. И никто теперь их не защитит. И не спасет.

Все кончено.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 10

Влажная духота и запах сырой земли. Страшно хотелось пить. Он полз уже минут двадцать, а то и все тридцать. Значит, полпути уже пройдено. Подземный лаз, прорытый Бог знает когда десятками заключенных, тянулся внутри невысокой сопки, за которой вряд ли кто додумается искать второй выход. Лаз вел прямо, никуда не сворачивая, не петляя, только вперед, словно неизвестные землекопы в своем стремлении к свободе руководствовались четким архитектурным планом. Но никакого особого плана у них не было – кроме горячего азарта подлюжить свинью всему вертухайскому племени и главному вертухаю – подполковнику Беспалому. Зеки рыли этот тайный «метрополитен» на волю, даже не мечтая когда-нибудь им воспользоваться. Потому что прогрызть в плотном, глинистом, а порой каменистом грунте туннель сквозь горку от начала до конца за время своей отсидки не хватило бы сил никому из бритоголовых землекопов. Бригады строителей «метро» приходили и уходили, повинувшись прихотливой воле матушки-судьбы да неумолимому расписанию зековских этапов. Те же, кому посчастливилось вынимать последние пуды грунта и выползти наконец-то на белый свет в лесу, за сопкой, примерно в километре от внешнего ограждения зоны, лишь несколько минут вдыхали горько-пьянящий воздух воли и снова ныряли в черный провал длинного лаза, чтобы втихаря, через незаметную дверцу в котельной зековского клуба вернуться обратно...

Он включил черный миниатюрный китайский фонарик, изготовленный в виде авторучки, и осветил его тусклым лучом стены и потолок лаза. Этот фонарик дал ему напоследок Мулла, чтобы «не заснул». Ему надо было торопиться. Далеко за спиной затих гомон забузившей зоны, и скоро в его подземный склеп не долетал уже ни единый звук – воцарилась кромешная тишина.

Он вспомнил, что говорил ему на прощание Мулла. Старик здорово все продумал, все подготовил. Его, Варяга, одежду дали Сашке Клину – высокому белобрысому здоровяку, внешне очень похожему на него, а ему самому Мулла велел надеть какую-то застиранную поддевку, полотняные штаны и полотняную же куртку. Одежда была не лагерная, так что случайный встречный не смог бы догадаться, что за гость разгуливает по лесу спозаранку.

– Хотя и июнь на носу, – приговаривал старик, – в «метро» зябко будет, а ползти тебе под землей с километр придется – это выходит не меньше часа, а то и поболее. Так что насморк схватить можешь за милую душу...

– Так ты, Мулла, думаешь, что никто не заметит моего ухода? – спросил он еще раз.

– Да что ты, Владислав, кто же заметит, когда я тут такой маскарад нагородил. Сашка в твоей одежонке будет маячить у них перед глазами, он же вылитый ты, особенно сейчас, когда бритый. К тому же пойдешь в бега ночью – разве его разглядишь в темноте. К тому же о «метро» нашем знают-то всего человек десять.

– А стукач местный, прихвостень Беспалого... Щеголь... он не в курсе? – Мулла задумался.

– Если даже и в курсе – то что он может сделать? Сейчас, когда зона вся закипела, его и след простыл. По всему лагерю мои ребята его искали, с ног сбились – пропал, как сквозь землю провалился. Может, у Беспалого в кабинете отсиживается – тогда он нам не страшен.

Варяг должен был исчезнуть в самый разгар перестрелки, когда заваруха достигнет наивысшего накала и даже сторожевые псы в страхе забьются под заборы. План был следующий: Варягу предстояло незаметно добраться до входа в «метро» и сгинуть в темноте, словно булыж-

ник в омуте. А там, пробравшись через подземный ход, лесом уйти как можно дальше от зоны на север. Когда же вертухаи опомнятся, его и след простынет...

...Варяг остановился передохнуть. Он лег плашмя и ткнулся лицом во влажную землю, вдыхая ее тяжелый аромат. Сколько он уже прополз? Варяг снова включил фонарик и осветил циферблат часов. Половина первого ночи... Американцы говорят: половина первого утра. Да, Америка...

Перед глазами замелькали отрывочные картины его американского житья-бытья. Кажется, так давно это было, сколько всего случилось с ним после, сколько пришлось пережить, перетерпеть. Куда-то на дальний план в памяти отошли все те счастливые солнечные дни, когда мчался он в своем серебристом «понтиаке» по выбеленному калифорнийским солнцем шоссе к своему уютному дому у моря.

Варяг мотнул головой и вздохнул, отгоняя обманчивый морок. Нет, сейчас надо думать о другом. Надо ползти не останавливаясь. Позади осталась «сучья» зона, и похабные рожи лагерных сук, и хитрая гнида подполковник Беспалый, и вонючая лагерная баланда, и изнуряющие уколы в вену, после которых его охватывало мучительное, тяжелое забытие... Что за дрянь ему кололи? Пентотал? Или другую какую наркоту? И зачем? На что надеялся подполковник Беспалый, травя его жуткими препаратами? Зачем ему это нужно? Неужели начальник и впрямь рассчитывал, что он, Варяг, смотрящий по России, выболтает ему какую тайну? Может, хотели сломать и вывести, где хранятся деньги из общака. Но такого никогда не будет, чтобы поганый мент наложил свою грязную лапу на общие бабки правильных людей. Ясно одно: каким-то очень серьезным людям он нужен живым.

Его побег станет для них страшным ударом и создаст массу проблем. Но самой главной проблемой для них будет его появление на воле: всем гадам придется ответить по полной программе, он их всех раскопает и поставит раком, кровью будут харкать и за убитых его подельников, и за наставника его, Нестеренко Егора Сергеевича, и за смерть близких, и за его унижения. Варяг встряхнулся и, сжав зубы, снова минут десять полз не останавливаясь. С зоны он дернул как раз в тот самый момент, когда на баррикадах началась перестрелка. Задами административных построек, вдоль столовой он добежал до клуба, нашел железную дверь в котельную, отпер ее припасенным ключом и спустился в подвал. Там в темном коридоре он нащупал деревянную дверку с проржавевшим на вид замком, за которой и начинался длинный черный лаз «метрополитена»...

Варяг вспомнил, как в самую последнюю минуту, уже собравшись бежать к клубу, из своего укрытия он внимательно осмотрел сооруженную зеками баррикаду, где совсем еще недавно в лучах прожекторов маячил Сашка Клин в его, Варяга, тюремной робе. Что-то с ним случилось подумал тогда Варяг, куда это он вдруг задевался?

Варяг полз в кромешной темноте все дальше и дальше, упираясь коленями и локтями в твердую сырую землю. Куртка постепенно намокала, на локтях и коленях налипли влажные комья земли. Туннель был совсем узкий. Стоя на четвереньках, низко нагнув голову, он спиной ощущал твердый влажный «потолок». Лишь бы этот чертов туннель не сужался, а то придется ползти вообще на животе, как червяку... Страшно подумать, какого труда зекам стоило выносить отсюда землю – на себе ведь носили, в корзинах, ведрах, а то, поди, и прямо в теплогрейках... Знали бы несчастные, ради кого они трудились. Вот ведь как оно вышло.

Ему вдруг вспомнился Егор Сергеевич. Как случайно из телевизионного репортажа он узнал о его нелепой гибели в авиационной катастрофе. Потом смерть Ангела, Вики, Графа. Теперь-то ему было ясно, кто стоял за всеми этими смертями. Теперь-то он знал, кто сдал его и погубил всех его самых верных, самых близких, самых любимых людей. И это тот человек, которого он, Варяг, поставил на Питер смотрящим. Как же они могли так ошибиться с Трубочком?! Шрам – не прост. И ведь Светлану с сыном этот гад похитил. Его дрожь пробрала от одной только мысли, что жена и сын, возможно, давно уже мертвы и закопаны где-нибудь в

глухом лесу близ Финского залива или по известной привычке питерских беспредельщиков закатаны в асфальт где-то на территории новенького коттеджного поселка, выстроенного на бывшем картофельном поле вблизи северной столицы. Только бы вылезти отсюда, вырваться на свободу из этого гибельного черного лаза, только бы выжить. «Доберусь до Питера – а там уж Шрама из-под земли достану, голыми руками на куски рвать буду...»

Ему приходилось убивать в жизни – но никогда он, Варяг, никому не стрелял в спину, не бил лежащего, не совал перо исподтишка. Варяг не любил крови. Если ему и приходилось убивать, то только лишь защищаясь, спасая свою жизнь или жизнь своих товарищей. Но теперь, думая о Шраме, он ощутил, пожалуй, впервые в жизни страшную жажду мести и желание видеть мучительную смерть этого мерзкого ублюдка.

– Сукой буду, но ты у меня не проживешь и двух месяцев! – поклялся себе Варяг.

Эти страшные мысли придали ему сил. Он напряг мышцы и стал еще мощнее отталкиваться локтями и коленями от земли, подвигая вперед свое утомленное тело. Его организм еще не окреп после продолжительной тяжелой болезни, которую ему устроил Беспалый, посадив на уколы. Каждый следующий метр туннеля давался ему все с большим и большим трудом. Ему вспомнились слова Егора Сергеевича о смерти и об убийстве. Они как-то раз толковали с ним об этом для них обоих отнюдь не отвлеченном предмете.

Владислав хорошо запомнил, как они сидели на лавочке в Александровском саду около Кремля. У них зашел разговор об убийстве ростовского «папы», потрясшем тогда всю Россию. Хозяина крупнейшего бизнеса на юге России настигла пуля наемного убийцы, когда он выходил из центральной городской бани, где по пятницам любил попариться с друзьями. Варяг горячился и намеревался спланировать операцию по поимке и наказанию заказчика. Егор Сергеевич качал головой и пытался его отговорить.

– Понимаешь, Владислав, – объяснял старик ровным твердым голосом, – надо четко понять, кто заказал. Если его заказали свои – ростовские, или краснодарские, или даже московские, что маловероятно, – это одно. Но если его заказали люди из городской или областной администрации – тогда ты никогда не найдешь заказчика. Потому что это, скорее всего, самый высокий чин. Самый! Понимаешь?! А к нему ни одной ниточки не найдешь.

– И вы считаете, что его заказали власти города?

– Или области. Или, может быть, даже московские. Вы же прекрасно понимаешь, что у нас, в России, так было искони – есть две, а то и три России – и каждая из них подчиняется своим внутренним законам. Ты вот свои законы знаешь и им следуешь, и твои друзья тоже живут по понятиям. Но когда люди из одной России снюхиваются с людьми из другой России – тогда все законы летят к черту, и тут уж не разберешь, где правый, а где виноватый. Если бы ростовское убийство совершили люди из твоего круга – ты бы их вычислил в два счета. А если убийство совершили люди из государственной России – пускай даже руками какого-нибудь глупого блатаря, – то тут уж ищи ветра в поле. А блатаря, который стрелял, конечно, уже и в живых нет.

Доводы старого академика показались тогда Варягу недостаточно убедительными, но спорить он не стал. Сказал только:

– Если узнаю кто – сам убью.

Егор Сергеевич удивленно посмотрел на него:

– Ну и ну! Вот уж не ожидал от тебя, Владислав! Тебе даже думать об этом нельзя. Нельзя руки кровью марать – неужели ты этого до сих пор не понял?

– Почему же?

– Да потому что ты уже существуешь в другом измерении. Ты хоть к себе прислушайся – у тебя даже и речь теперь другая стала, не то что года три назад. И одеваешься ты по-другому. Но не это главное. Главное то, что ты сейчас за многое в ответе. От тебя много что зависит. И ты не имеешь права рисковать собой. Пойми – ИМ, – при этом Егор Сергеевич забавно мотнул

головой в сторону кремлевской стены, – нельзя давать ни малейшего повода для подножки. Ты должен, ты обязан жить, свято чтя ИХ законы! Не убивать, не грабить, платить налоги. Если выезжаешь за границу – изволь иметь в кармане настоящий, а не поддельный паспорт. Чтобы ОНИ не смогли схватить тебя за руку... А убивать вообще грех, – добавил старик задумчиво.

– Даже в наказание?

– Даже в отпущение!

...Вспомнив теперь тот давний разговор, Варяг подумал о своем приключении полугодичной давности. Все это было так стремительно и так неправдоподобно, как в дешевом кино. Арест в Калифорнии, три недели в тюрьме Сан-Франциско, два покушения на его жизнь, потом чудесное освобождение, потом чудной арест в «Шереметьево» и совсем уж невероятный побег из ментовского «мерседеса»... А потом была кровь – море крови... Смерть Вики. Гибель Егора Сергеевича. Гибель Ангела, Графа, Пузыря... Шрам – гадина, сука, тварь. Все его рук дело, все он устроил. Да что Шрам – тут, пожалуй, не в одном Шраме дело. Тут длинная запутанная игра. Кто-то там за ним?

И Варяг вспомнил встречу с двумя эмвэдэшными генералами в Питере на тайной квартире. Один из них, Калистратов, тот же ему прямо, открытым текстом, предлагал «сотрудничество». Сволочь! Калистратов конечно же представлял какую-то новую политическую бригаду, которая, как взбесившийся носорог в джунглях, сметая все на своем пути, перла в Кремль. Да, в конце прошлого года большая драчка разгорелась – драчка за верховную власть в стране. Никто не хотел уступать. А ему новоявленные спасители России решили уготовить роль жалкой послушной марионетки, у которой сменился кукловод. За ниточки дерг-дерг – и думали, что он, как Буратино, будет кивать башкой да ротельник разевать? Просчитались, волки поганые! Но как же он, старый жулик, мог допустить, чтобы его арестовали в московском аэропорту? Хотя как он мог предотвратить этот арест? Незаметно в толпе ему подбросили в карман плаща пакетик героина. Вот и повод. Может, прав был Егор Сергеевич? Или не прав? Ведь если они захотят арестовать, сгноить в лагере – то зачем им повод? Повод они и сами найдут! Где угодно. Возьмут паспорт на контроле, незаметно подменяют на фальшак и скажут: у вас, гражданин Игнатов, паспорт поддельный. Пройдемте...

Варяг невольно усмехнулся и потянул носом воздух. Он ощутил едва уловимое дуновение воздуха, замер и прислушался. Потом осторожно стал продвигаться дальше, отчетливо слыша где-то впереди шумное дыхание. Через пару метров стало ясно, что впереди кто-то есть. Он включил фонарик. Луч света вырвал из кромешной тьмы потное лицо и черные испуганные глаза.

ГЛАВА 11

Младший сержант Игорь Шлемин отправился выполнять приказ майора Кротова с неохотой. Да и какая тут может быть охота – тащиться в лес с собаками да искать неведомо кого. В апреле, к примеру, с зоны пропал зек. Кажется, досиживал последние два года из «десятки». Так тогда было понятно: подполковник Беспалый отрядил взвод автоматчиков прочесывать прилегающий к колонии лес. Собачек выпустили. Те оглашали всю округу надсадным злобным лаем. Никого не нашли – но ведь тогда была четкая установка: искать беглого зека. А тут – «пойдешь поищешь, может, найдешь чего». Ни фиги себе приказик. С другой стороны, конечно, хорошо, что с зоны удалось слинять, – там, блин, сейчас такая каша заварилась, стрельба, блин, пальба. Полный мрак. Хотя стрельба такая, что на фейерверк больше похожа.

В высоком, уже по-летнему звездном небе стояла начинающая стареть луна. Игорь Шлемин брел по высокой траве прочь от зоны. «Поищешь, может, чего найдешь». Говна кусок, пожалуй, найдешь тут. Он еще спросил Кротова: «Товарищ майор, а точно сбежал заключенный?» На что тот ответил очень странно: «Точно тебе только баба скажет, когда ей рожать, а тут ничего точно не известно».

Вот это верно – ничего не известно. Ни кто сбежал, ни когда сбежал, да и сбежал ли вообще.

Из глубины леса затыкал пес. На его зов тотчас отзывались еще три песьи глотки. Младший сержант поежился. Ну и зверюги. От таких лучше держаться подальше. Ему все время чудилось, что одно неверное движение – и эти волкодавы набросятся на него и загрызут к едреной матери. Шлемин сам побаивался лагерных собак, и сейчас в ночном лесу он даже не думал о них как о своей защите, скорее, как о вероломном враге, который только и ждет удобного момента, чтобы напасть сзади. Младший сержант крепче сжал холодный ствол АКМ. Вот это настоящая его защита. И от беглых зеков, и от лагерных собак.

И тут ему в голову закралось неприятное сомнение, а по спине пробежал холодок. Он вспомнил, как чистил позавчера свой автомат, как смазал, как поставил в пирамиду. Так, а патроны... После позавчерашних стрельб магазин, ясное дело, был опустошен. Нового магазина ему не выдали. Значит, надо было заряжать старый, Шлемин даже остановился и внимательно посмотрел на свой автомат. Ну, так и есть – старый магазин, обернутый синей изоляцией, тот, который ему Лешка Чулкевич перед дембелем подарил. Он отсоединил магазин и заглянул внутрь. Пусто! Ни одного патрона! Бляха-муха! Вот дела... Только бы действительно не встретить беглых зеков. Теперь точно одна надежда на собак.

Он даже вспотел от страха. Стоя посреди полянки, освещаемой луной, Шлемин громко свистнул и позвал: «Абрек! Лютый!» Где-то вдали зашуршала трава, и на поляну выбежали две овчарки.

– Молодцы, ребятки! – тих» похвалил их Шлемин. – Рядом!

Псы послушно пристроились к нему слева и справа. Младшему сержанту стало веселее. Надо, конечно, сказать, сержант не был уж такого робкого десятка: парень, как все: и побздит, и, если надо, первым в драку полезет.

– Так, лохматые, сейчас пройдем к тому сосняку, что за горюшкой, там посмотрим, обойдем лесок слева и вернемся. А то уж... – он посмотрел на часы. – Ни хрена себе – скоро час. А завтра в шесть майор, сука, подъем объявит.

Младший сержант двинулся дальше, размышляя, какие все-таки сволочи командиры в этом лагере. Вот взять, к примеру, нынешний случай. В каком это уставе написано, что в дозор отправляют одного! Это непорядок! Но стоило ему заикнуться о напарнике, как Кротов, гад, отрезал: «Людей мало – видишь сам, что на зоне творится! Один пойдешь!»

Ну да ладно, что теперь разоряться. Хорошо хоть от стрельбы подальше свалил – в таком бардаке и шальную пулю схлопотать недолго. Одно плохо – спать хочется смерть как! А еще час-полтора надо проколупаться здесь, раньше вернешься докладывывать – шею намылит начальник! Дескать, схалтурил, не замкнул круг.

Младший сержант вспомнил, как хорошо служилось ему в Забайкальском военном округе – там их часть ВВ охраняла какой-то секретный объект. Не то недостроенную атомную электростанцию, не то станцию космического слежения. Он там всего полгода прослужил. Но служба была – как в сказке! Кормежка по спецразнарядке МВД, обмундирование новенькое. Знай себе по периметру секретного объекта топай, комаров гоняй. Там на сто километров в округе ни души не было – только редкие охотники-буряты встречались. Но те местные порядки знали и не совались куда не следует. Не то что здесь... На лагерь как мухи на мед слеталась тьма разного народу – мужики вели меновую торговлю с зеками через вольнопоселенцев, бабы, понятное дело, чем приторговывали, дети солнечного Кавказа промышляли всякой всячиной – главным образом, конечно, среднеазиатской дурью. Внешняя охрана, когда Беспалый посылал в ночной наряд, только и знала что гоняла незваных гостей по лесу. А если удавалось отловить молодых девок, приезжавших к зекам на блядки, так их тут же, не отходя от кассы, прямо в лесу под кустом и драли... Сам Игорь Шлемин еще ни разу не попадал в такие веселые переделки, но те ребята, кому посчастливилось, рассказывали много чего про этих «ночных бабочек».

Вдалеке коротко пролаял пес. Игорь Шлемин не смог определить, кто подал голос. Он никогда еще не работал с этими собаками – в питомнике ему выделили черного восточноевропейца Салима, и с ним он обычно выходил в ночные наряды. Эти псы его знали – он прикормил их на прошлой неделе, – но в работе еще с ним не были. Да и сам он еще ни разу не выходил в лес сразу с четырьмя мохнатыми сторожами, как ни разу не доводилось ему еще ловить беглого. Хотя, скорее всего, никакого беглого и нет. Он понял это по тону Кротова, когда тот отправлял его «на линию». Майор просто выполнял указание Беспалого и не случайно обмолвился, что посылает младшего сержанта в лес «для очистки совести», чтобы доложить лотом начальнику лагеря.

Собаки убежали далеко влево. Он даже перестал слышать их ленивый перелай. Вот звяруги! Не учили их, что ли, – в дозоре подавать голос строго-настрого запрещается. Собаки на забайкальском объекте на этот счет были выдрессированы отлично. За нарушение правила «лаемолчания» их наказывали нещадно – били, родимых, жрать не давали. А тут, у Беспалого – бардак!

Игорь Шлемин заметил впереди за пригорком ельничек – елки были молодые, лет по десять – двенадцать, и росли аккуратной полосой за березняком, что начинался сразу под горушкой. Он знал этот ельничек – там еще есть старый толстый дуб, который, как говорят, до сих пор родит желуди. Значит, от зоны он отошел на добрый километр. И за все время прогулки он никого не встретил, ничего тревожного или подозрительного не услышал.

Можно возвращаться. Вот до дубочка-то дойду – и назад.

Дойдя до намеченного места, сержант, уже собравшись возвращаться, так, чисто механически, включил фонарик.

И тут его взгляд упал на овражек под дубом. Он заметил странную вещь – на краю овражка валялись окурки. Два, три, пять! Окурки были старые, но не так чтобы очень – недельной, может, давности. Шлемин подошел поближе и присел на корточки. Зачем-то потрогал рукой наваленный на дне овражка лапник. Ветки были почти свежие, не засохшие. Он поднял одну, вторую – и увидел, что дна у овражка-то и нет. Ветки завалили вырытый в земле лаз. Именно – вырытый, потому что было видно, землю вынимали и куда-то уносили. Он встал и огляделся. Посветил фонариком вокруг. Ну, так и есть: вон куча земли, а вон еще одна – с виду можно принять за обычные лесные холмики.

Шлемин положил автомат на траву, сбросил пилотку и, закрихтев, полез в лаз, светя перед собой фонариком. Лаз оказался достаточно широкий: он без труда залез внутрь, но, споткнувшись, упал и выронил фонарь. От удара тот погас. Шлемин чертыхнулся, положил фонарик рядом с автоматом и полез в темный лаз на ощупь. Чем дальше он полз, тем все больше его разбирало любопытство.

Вдруг ему показалось, что где-то далеко раздался вздох. Он остановился. Блин, кто там еще? Может, человек, а может, и зверь...

Он с тоской подумал о брошенном у входа фонаре и еще больше об автомате. Впрочем, все равно там не было патронов... И тут он вспомнил про немецкий нож с костяной ручкой – подарок брата. Нож лежал в узкой сумке на ремне сзади. Он кое-как дотянулся левой рукой до сумки, открыл клапан, ухватился за костяную ручку и вытянул нож...

Варяг сразу узнал вертухайскую форму и заметил на погонах лычку младшего сержанта. А потом и рожа ему показалась знакомой.

Он вдруг ясно осознал, что его долго готовившийся побег может сейчас сорваться самым глупейшим образом. Встретить в зековском «метрополитене» лагерного сержанта совсем не входило в его планы. Но он ни на секунду не замешкался, даже фонарик не выключил – пусть, гад, сам боится! Упираясь коленями в грунт, вытянув перед собой обе руки с растопыренными пальцами, извиваясь, точно гадюка, потревоженная беспечным путником на лесной дороге, Варяг метнулся вперед. Он метил сержанту в голову. И не промахнулся. Его пальцы резко впились в искаженное от страха лицо вертухая, два из них глубоко вошли внутрь глазницы, так, что их кончиками он ощутил что-то жидкое...

Не ожидавший столь молниеносного нападения, младший сержант вскрикнул и попятился назад, но Варяг был тут как тут. В этом месте лаз оказался намного просторнее, чем раньше, и ему не составило труда, широко расставив локти, вцепиться сержанту в шею. Вертухай хрипел и яростно отбивался. Он тянул к Варягу руки, пытаясь расцепить сжимавшие его шею страшные тиски. Но Варяг не уступал, вложив в это смертельное объятие всю оставшуюся силу, всю ярость, всю закипевшую в нем решимость вырваться из подземного плена и стать свободным.

Два человека, два зверя, два непримиримых существа вступили в смертельную схватку. Младший сержант, Игорь Шлемин, в эту минуту отчаянного сражения отчетливо понимал, что беглый зек обязательно его убьет, потому что терять ему было нечего. Он прекрасно понимал, что надо пустить в ход нож, но в суматохе схватки, после первого же ужасного удара по глазам, от дикой боли выронил его и теперь уже никак не мог найти. Да у него и не было такой возможности, стальная хватка зековских ладоней, сдавивших трахею, лишала его легкие живительного кислорода, он истерически дергался, но не мог поймать ни глотка воздуха.

Варяг уже знал, как он убьет этого, вставшего на его пути, молодого вертухая. У него не было с собой никакого оружия, и он мог полагаться только на мощь своих рук.

Сержант, сука, сопротивлялся изо всех сил, вертел головой, хватался за локти, стараясь вырваться. Но Варяг уже чувствовал, что силы противника на исходе, и еще сильнее сдавил жилистую шею. Вертухай издал хрип, его руки безвольно разжались и повисли на локтях Варяга. Еще с минуту Варяг, на всякий случай, не отпускал его шею, хотя уже понимал, что победил.

Прошло минут пятнадцать, пока Варяг пришел в себя и отдышался. Разжатые пальцы дрожали от ужасного напряжения. Варяг поежился – ему стало холодно. Рядом с ним лежал убитый вертухай. Как он тут оказался? Что его ждет впереди? В любом случае нужно торопиться, нельзя расслабляться, нельзя тут лежать. Если выход из лаза обнаружен и там караулят, то дело – швах. Если же этого младшего сержанта послали просто прочесывать лес, тогда проще, лишь бы у этого паренька там у входа не было напарников. Но если лег прочесывают,

значит, в лагере уже объявили тревогу, и то знает – может быть. Беспалый успеет нагнать вокруг лагеря омовцев. Нужно спешить, времени в обрез.

Варяг медленно нашарил в темноте фонарик, включил его и направил лучик света перед собой. И только сейчас ему в голову пришла страшная, поразившая его мысль.

* * *

Только сейчас Варяг осознал, что мертвец полностью перегородил узкий лаз. Варяг попытался сдвинуть тело с места. Но не тут-то было. Труп оказался тяжелым, да к тому же он лежал враспор: колени и голова уткнулись в стенки туннеля. Грунт вокруг был очень прочный, слежавшийся, почти каменистый. Такой руками не возьмешь. Варяг облизал пересохшие губы. Только этого не хватало! Вперед его не вытолкнешь. В этой крысиной норе не развернешься. Но не ползти же назад, в зону. Да и как? Даже если возвращаться, то придется ползти вперед жопой. Он невольно съехидничал про себя: тоже мне, подземный рак выискался! Нет, надо что-то придумать.

До спасительного выхода, по его прикидкам, оставалось метров сто – двести. Минут десять – пятнадцать ползком. Всего-то!

Он подполз к телу вплотную и, осветив его фонариком, схватил вздернутую вверх левую руку – она уже холодела, – опустил и стал искать правую. Нашел. Рука лежала вдоль тела.

Варяг приподнял руку с земли в надежде повернуть труп и прижать его спиной к левой стенке туннеля, чтобы самому проползти вперед справа от него.

Но ему не удалось сдвинуть мертвеца. Варяг в бессильной злости стукнул кулаком по земляному полу. Ребро ладони больно ударилось о какой-то твердый предмет. Он опять включил фонарик. Под кулаком блеснул короткий широкий нож с костяной ручкой. Видимо, сержант в пылу сражения перед смертью выронил его из рук. «Повезло тебе, парень, – подумал Варяг, – во всех смыслах повезло. Ты был на волосок от смерти, и этот нож мог стать твоей гибелью. А вот теперь он – твое спасение».

Варяг схватил нож, крепко сжав в кулаке толстенькую бочкообразную рукоятку, и ковырнул стенку справа. Лезвие откололо приличный слой прочного, местами каменистого грунта. Он ударил ножом посильнее. Потом еще раз. И еще.

За полчаса он наковырял горку земли, которую пропихивал под себя в ноги. Лаз понемногу расширялся. Воодушевленный своим успехом. Варяг остервенело вгрызался в породу. Сердце его бешено колотилось, на лбу выступил пот. Ему надо было спешить. Непредвиденное препятствие отняло у него кучу времени – минут двадцать, не меньше. Если Беспалый выявит его исчезновение и организует за ним погоню, то посланные прочесывать лес вертухаи и «вэвэшники» с собаками наверняка его заловят. Далеко ему от них не уйти – это точно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.